

Грустно-ироничный взгляд автора на события времен императрицы Анны Иоанновны возвращает читателя к неутихающим по сей день спорам историков об оценке обстоятельств ее воцарения: лишилась ли страна шанса на реформы или было предотвращено наступление нового Смутного времени. Впрочем, и финал правления изобилует многими коллизиями — такими же противоречивыми, каковой и была царица Анна Первая.

Предмолвие

Что сейчас беспокоит тебя, любезный мой читатель? Может, суетные мысли о хлебе насущном не дают тебе покоя даже при чтении легкомысленных сочинений? Или тревожат тягостные думы о заложенном имении в Дворянском банке? А может, тоскливое одиночество закутало тебя в кокон, и ты не знаешь, как вырваться из этих пут к другой — счастливой жизни?

И что такое счастье, скажите мне? Быть может, счастье — это иметь дворец в Петербурге на Английской набережной, выезд вороных и золоченую карету? Или счастье заключается в том, чтобы ежедневно лицезреть коронованную особу, а потом

от ее имени напыщенно раздавать приказы миллионам склонивших головы подданных? Или проводить дни и ночи в разгульных кутежах и безудержных увеселениях?

...А может быть, счастье — когда плывешь с любимой в лодке по озеру... Ты, не спеша, поднимаешь весла и любишь ее, а она опустила руку в воду и словно просеивает лучики солнца...

Вот и Эрнст Иоганн Бирон, фактический правитель российский, сейчас задумался о вечности. Во-о-он он — виден в окне своего дворца... Смотрит на беззаботную парочку, играющую в снежки. Как они, обнявшись и смеясь от счастья, свалились в сугроб и барахтаются, не в силах подняться...

О чем он думает, наш угрюмый сиятельный герцог, будущий регент императорского престола? Как будто неожиданно перед ним отдвинулся краешек старой пыльной бархатной шторы — и он вдруг ярко и остро вспомнил, как давно-давно бегал под свежим балтийским дождем с девушкой... Кажется, ее звали Ингой... Как же он был счастлив, когда целовал ее — влажную от небесной воды... Неужели это все прошло! Когда он потерял это — самое ценное, что было у него? За что такая жестокая кара? Почему это счастье уже никогда не повторится?!

Вижу, что и вы, мои любезнейшие читатели также задумались. Да и я сам загрустил, мысленно перелистывая пожелтевшие страницы юности... А те, что впереди — чистые, спрессованные — не откроешь, не узнаешь — будет ли там еще это счастье — солнце в воде, невесомый снег, нежный смех...

Быть может, сделать глоток вина, чтобы еще глубже погрузиться в ноющее томление? Или наоборот — резко задернуть на окне бархатную завесу и возвратиться в этот безнадежно больной, зато реальный повседневный мир? А может, велеть запрячь подласую кобылку и прогуляться по окрестным полям и перелескам?

Ни то, ни другое, ни третье — ведь наша история только начинается. И пусть читатель не обижается на отсутствие в ней рассказов о приключениях под Очаковым офицера Брауншвейгского, бывшего Невского, полка Григория Веденичева, также известного под именем барона Иевранима.

Зато в ней будет другое — описание интриг во времена заката величественной Всероссийской самодержицы Анны Иоанновны, а также многие другие сочинительские побасенки и побрехушки.

А посему — вперед, в столицу российской империи, где сейчас, впрочем, как всегда, происходят события гишторического масштаба!..

ГЛАВА I

*Парикмахеру Бернарду — 15 рублей
за то, что сделал два парика из своих
собственных волос...*

Расходная запись коменданта
Зимнего дворца

С едва слышным предварительным перестуком и легким скрипом приоткрылась дверь. В образовавшуюся щель протиснулась сонная голова придворного обер-секретаря Несмеянова, который из-за простудной болезни, как поветрие охватившей фрейлин, вторые сутки находился на дежурстве при императорской особе.

— Ваше императорское величество! Ея высочество Елисавет Петровна по вашему повелению ожидают! — негромко сказал он.

— Пусть подождет! Ей, слава Богу, спешить некуда! — решила Анна Иоанновна. — А сам зайди!

Говорящая голова Несмеянова на некоторое время исчезла, видимо, что-то объясняя принцессе, а затем вместо нее появилась спина в зеленой придворной ливрее, ноги в зеленых же придворных штанах, белых чулках и старых стоптанных башмаках. Последней объявилась уже известная вам голова в кривовато надетом служебном парике, который носили по очереди дежурные секретари.

Ея величество стало диктовать указания о торжественной встрече принца Антона-Антуана, возвращавшегося с победой из-под Очакова:

— Дорожку-то почистите, а то в прошлый раз она грязнее была, чем сама дорога. Да еще на самом видном месте — дыра! Стыд-то какой!

Несмеянов попытался оправдаться:

— Да это моль случайно проела...

— Не знаю, кто что там проел, а дыры чтобы не было!.. Так, еще хлеб-соль. Да чтобы хлеб свежий, а не полугодовалый, как в прошлый раз — разломить не смогли! У какого булочника ты его покупал? Он небось тебе сам приплатил, лишь бы ты сухарь у него забрал? Смотри — придешь с таким же, тебя самого с этим самым сухарем в Пелым и отправлю! Еще отбери девиц, которые будут принцу хлеб-соль подносить... А нет, не надо. Девиц я сама найду...

Анна Иоанновна стала перебирать в уме камеръюрфер, и тут взгляд ее остановился на криво надетом обер-секретарском парике.

— Парик поправь! — сделала она замечание. — Ты что, спал на нем, что ли? Какой-то он свалывшийся...

— Да как можно, ваше величество! — сразу стал открещиваться Несмеянов, хотя прикорнуть на мягком казенном парике вместо подушки где-нибудь в укромном уголке дворца было его любимым занятием на службе. — Просто он старый уже!

Тут, конечно, обер-секретарь проявил поразительную неосторожность! Прекрасно зная характер нашей императрицы — и так влипнуть! Можно сказать, своею рукою сдал ей козырного туза! До безумия расточительная и щедрая на блестящие украшения, модные наряды, празднования, балы и прочие увеселения, государыня частенько была придирчивой и мелочной в быту, особенно, если это не касалось лично ее.

— Парик старый?! — вышла она из оцепенения. — Ему только четыре года!

— Пять! — попытался возразить обер-секретарь. — Пять годков исполнилось на той неделе...

— Четыре! Я все помню! Даже помню когда ты ко мне в нем первый раз зашел и доклад начал делать! А уж, ежели не знаешь, сударик, то лучше помалкивай!

— Так этот парик до этого еще пять лет у светлейшего князя Меншикова Александр Данилыча был. Как его в Раненбург отправили, так парик к нам в дворцовую канцелярию вместе с его вещами и попал...

— Не знаю, кого там в Раненбург, кого в Пелым, а парик у нас точно — четыре года!

— Может быть — новый пора? — предложил Несмеянов.

— Но-о-о-вый?! — аж задохнулась ея величество. — Вы старый не износили — вон, невесть во что превратили, в какую-то паклю, охакку со-

ломы! И уже новый подавай! Так на вас никаких волос не напасешься! Вся страна круглые сутки работает, сеет, пашет, красавицы русские с себя волосы рвут, уже вон лошадям гривы да хвосты обкорнали — и что, только для того, чтобы тебе на новом парике удобнее дрыхнуть было? Нет, ты старый почисти, разгладь, причеши, взбей! Я помещица добрая! При мне все сыты: и люди, и кошки, и собаки, и мыши! Но транжирить свое добро не дам!

— Понял, ваше величество, все понял.., — покорно закивал головой Несмеянов.

— Понял он.., — заворчала под нос императрица, — если б я знала, что ты, батюшка, такой спорщик — никогда бы к себе не взяла! А теперь уж и не выгонишь — вон сколько тайн государственных знаешь! Ладно, подойди поближе!

То ли от старости, то ли от болезненных переживаний, то ли по какой другой причине в последнее время у Анны Иоанновны появилась новая привычка: для того, чтобы успокоиться, ей стало необходимым выслушать воспоминания о заседании верховников, которые при воцарении императрицы вознамерились было ограничить ее власть условиями. И самым памятливым свидетелем всех этих событий оказался оберсекретарь Несмеянов. Вот и сейчас, сразу смекнув в чем дело, он собачонкой уселся на скамеечку у ног Анны Иоанновны, и начал вещать с того места, на котором остановился ранее:

— ...А Долгорукий-то достает из-за пазухи грамотку, где вроде как малолетний царь Петр покойный перед смертью своею рукою начертал, что отдает царство невесте своей обрученной... Да не заметил, что вытаскил сразу две грамотки — одну под видом императорской, а вторую грамотку — черновичок, который его сын под диктовку писал. Вначале засмутился, хотел обратно засунуть, да вовремя заметили. Глянули — а обе грамотки одной рукой писаны, и подписи одинаковы. Ну, Долгорукого все сразу на смех подняли: чай, империя-то не телега, которую можно по подложной бумажонке оттяпать. Он застыдился, покраснел, поерепенился чуток, да стих...

Анна Иоанновна, в сотый раз слушавшая эту историю, потихоньку успокаивалась:

— И что же, Андрюшок Аустерман, канцлер наш — прям из кабинета выскочил?

— Выскочил, матушка! — закивал головой Несмеянов. — Как споры начались, захохал, за живот схватился и побежал, еле дверь перед ним успели отворить.

— А потом назад явился?

— Когда услышал в коридоре крики «виват!» — развернулся, опять заскочил и вместе со всеми тоже закричал! И про живот забыл, и руками размахивал! А уж когда уже про кондиции заговорили — снова захотел выскочить, да дверь была заперта!

— И что же он? — усмехаясь, спросила Анна Иоанновна.

— Уши руками закрыл, головой замотал, по-немецки стал что-то бубнить, типа: «Нихт дуршхрюхрен, я не ничего не понимать по-русски...» А потом вообще сделал вид, что сомлел — и под стол скатился, где его все ногами пинали. Правда, гляжу: он из-под стола одним глазом зыркает, что тебе вороненок из гнезда выпавший. Вроде хочет клюнуть, но пока дюже боится... А советчики потом налетели и стали как на базаре галдеть — то их впиши, то то, то се...

Разговор малопомалу успокоил императрицу. Она потянулась, зевнула, с улыбкой прикрыла глаза, и тут ей в полудреме неожиданно привиделась странная картина: будто бы в Москве, прямо посреди Тверской улицы, навалено всякого хлама: телег, старых корыт, саней... А люди разбойного виду вместо того, чтобы разобрать эту кучу, перегородившую дорогу, карабкаются на нее с флагами, ружьями, вилами и поют какие-то песни...

Анна Иоанновна вздрогнула, потрясла головой и сообщила Несмеянову:

— Только что Смутное время пригрезилось! Ох, не к добру это, не к добру! Наплачетесь вы еще после меня! Вспомните матушку Анну Иоанновну, да поздно будет!.. Ну ладно, давай, зови нашу принцеску! Хватит ей там высидивать, чай не насадка! И кофию пусть принесут!

Несмеянов вышел в приемную. Елисавет Петровна покорно ждала, ерзая и мучаясь на гостевом стуле без спинки. Рядом с ней за столиком обер-кофешенк учил правилам молодого неопытного еще кофейного придворного:

— Вначале блюдце, потом салфетка, потом ложка! Сахару клади два куса, ни больше и не меньше! Мешать ложечкой только по часовой стрелке, и ни в коем случае не в обратную сторону! На это они особо смотрят! До тебя двух молодцов выгнали за нарушение церемониалу!

ГЛАВА II

Такая искренность, что аж искрит...

Фраза, сказанная вполголоса
в коридоре императорского дворца

Дождавшись, когда Несмеянов выйдет, Анна Иоанновна, позевывая, встала с кресла и, дойдя до двери, крепкими пальцами осторожно, чтобы не пораниться, разогнула старый гвоздь в дверном наличнике — так, чтобы он торчал острием наружу. Эту тайную диверсию императрица сделала как раз вовремя, потому что дверь распахнулась и боком-боком, чтобы случаем не зацепить платье, в кабинет протиснулась Елисавет Петровна, которая прекрасно знала о привычках своей тетушки, потому что уже не раз рвала о злополучный гвоздь свои платья.

— А вот и наша Лепота Красавишна явилась! — язвительно прокомментировала появление племянницы императрица, после чего подошла к кофейному столику, взяла чашку с напитком, сделала глоток и продолжила: — Ну что, рыжа-рыжа, не доехала до Парижа?!

Елисавет Петровна молча ждала продолжения.

— Вот, душа моя, канцлер Аустерман Андрей Иванович снова по внешнеполитической линии докладывает: отказался от тебя и король французский, и принц прусский, и кронпринц цесарский. Никому ты не нужна!

Принцесса стояла, потупив голову.

— Так, сейчас глянем, что тут Аустерман еще пишет... — пробормотала императрица, протянула руку и взяла со столика какую-то бумагу. Близко поднесла ее к глазам и начала читать по слогам:

— А из женихов для ее высочества остались только князь чухонский, царь нубийский, басурманский хан изюмский и еще какой-то королевич, не разберешь какой: то ли бургундский, то ли бурундский... Ну, что — за кого из них пойдешь?

— А хоть где оно — Бундидийское королевство? — с надеждой спросила Елисавет Петровна.

— А леший его знает! — равнодушно ответила императрица. — Наверное, где-то есть...

— Я сбегу! Я отравлюсь! Я уксусу напьюсь! Я не знаю, что с собой сделаю! — запричитала принцесса со слезами.

— А ты попробуй-попробуй! А то только грозисься! — скучающе предложила Анна Иоанновна и уже с металлом добавила: — Гляди, Лизка, допросишься! Упеку в монастырь! Ишь, сопли распустила, нюнюца какая! — и уже подобревшим тоном продолжала: — Иди лучше сюда, кофейку вон попей. Или что спросить хочешь? Так не робей, спрашивай! Тетка тебе досталась хорошая, добрая. Она покричит-покричит, да потом и пожалеет...

— Деньжат бы мне... — чуть успокоившимся жалобным голосом спросила Елисавет Петровна.

— Деньжа-а-ат!? — удивилась императрица. — Зачем они тебе? И так на всем готовом в своем Смольном монастыре... тьфу, не монастыре, а дворце! В Смольном дворце сидишь! Целый дворец тебе подарили, а ей все мало!

— Вот платьишко рвется! — пожаловалась принцесса.

— Ну и что?! Рвется... На то оно и платье, чтобы рваться! Парусина — и та вон треплется! А ты иголочку возьми да зашей! И тебе рукоделие, и казне экономия! Все, ступай, хватит! Так от тебя голова разболелась!..

Елисавет Петровна резко повернулась и решительно пошла к двери.

— Рыжа-рыжа — не доехала до Парижа.., — вполголоса напела ей вслед Анна Иоанновна.

— Чернява-чернява — прислана из Митавы! — пробормотала себе под нос ей в ответ принцесса.

— Что-что?! — встrepенулась императрица, взяв щепотку нюхательного табаку из золотой табакерки.

— Ничего-ничего, ваше величество! Это вам слышалось! — ответила повеселевшая Елисавет Петровна.

Да рано радовалась рыжеволосая красавица — совсем забыла про разогнутый гвоздь! Зацепилась за него подолом платья, только треск на весь кабинет раздался!

— А-а-пчхи! Ох, пробрало! Ох, хорошо-то как! — закатила глаза Анна Иоанновна.

Выскочила в слезах Елисавет Петровна, побежала к красному крыльцу, а тут вот он — Бирон, герцог Курляндский, собственной персоной, будто ждал.

— Добрый день, ваше высочество! Часто с вами видеться стали, видимо, к добру! Я, как вижу вас, сразу оживаю. И примета хорошая — значит, день благоприятно сложится... Впрочем, вы сегодня отчего-то грустны, ваше высочество... Не расстроила ли вас чем-либо наша матушка-императрица?

— Да вот приезжала хоть немного у тетушки денег выпросить! Не хотела вам говорить, но уже больше не могу — просто некому пожаловаться! — решившись, с дрожью в голосе отвечала Елисавет Петровна.

— И что же? Судя по огорчению, видимо, в финансах вас опять ограничили... Но не обижайтесь, я знаю, что матушка-императрица всегда желала вам добра. Она сама привыкла к простоте и хочет, скорее всего, чтобы и вы вели себя скромно.

— Ага! Скорно! — возмутилась принцесса и показала разодранное платье. — Посмотрите, в каком рванье хожу! И это я — дочь самого Петра Великого!

Бирон сочувствующе поцокал языком, заложил руки за спину и, повертывая, снял с пальца перстень с брильянтом чистойшей воды:

— Вот вы обижаетесь на свою тетушку, а она между тем не далее как вчера просила передать подарок — эту безделушку. Может, она как-нибудь вам поможет пережить эту тряпочную, нет — материальную, — скаламбурил герцог, — так сказать, неудачу...

Елисавет Петровна с радостью приняла презент:

— Ладно вам, герцог! Со мною можно без туману, я все понимаю! Это вы придумываете, тетушка мне ни за что бы такой подарок не сделала!

— Нет-нет, — запротестовал Бирон, — это вам от императрицы!

— Хорошо, раз вам так хочется, пусть будет от императрицы, только и я вам хочу сказать, что все ваши добрые дела помню, благодарность к вам питаю и в свой срок тоже что-нибудь хорошее сделаю!

— Что еще вам хорошего императрица говорила? — Бирон сделал вид, что скромничает и пытается перевести разговор на другую тему.

— Да вот сватает меня через этого вредного Аустермана за принцев из стран, которые никому, кроме него самого, не ведомы, — пожаловалась Елисавет Петровна.

— Не соглашайтесь, ни за что не соглашайтесь! — горячо стал уговаривать Бирон. — Неизвестно еще, что это за страны света, а то вдруг они еще дикие — так там запросто и съест вас могут!

— Да вы что?! — расширила глаза принцесса.

— Аустерман — он такой! Вроде бы тихий, незаметный, болеет все время, а сам тишком-тишком — и какую-нибудь каверзу тем временем фантазирует! Да еще такое императрице в уши надует, что потом и не выдуешь обратно! Вот если бы он сейчас нас увидел — обязательно бы к императрице побежал и доложил, что герцог Курляндский с Елисавет Петровной заговор какой-нибудь учиняют!

— Ага! — подтвердила принцесса и язвительно добавила: — А сам меня сплавляет к тем женихам, которые своих невест без хрену на обед кушают!

— Да, кстати! — небрежно сказал Бирон. — Вы не подумайте ничего эдакого. Я просто из желания помочь вам... Право, даже не знаю, как сказать...

Герцог замаялся, стараясь пробудить любопытство Елисавет Петровны. Та выжидающе молчала.

— ...Только не подумайте, что я принуждаю ваше высочество или вралем каким вдруг заделался. Нет, упаси Боже!.. Я сейчас вдруг подумал о том, что уж ежели совсем вас заморскими женихами начнут допекать, то можете моего сына в мужья себе забирать — вот хотя бы Петрушку! Он малый хоть куда! Был у кирасиров ротмистром, а теперь всем Конным полком командовать будет! Вы не глядите, что ему пятнадцать годков. Сам, сам всего добился, своим умом! Я ему и не помогал, так, в начале только на лошадь посадил, а дальше он уже сам поскакал... Да я в общем-то в сваты не напрашиваюсь, так просто, ежели вдруг у вас надобность такая возникнет...

— Хорошо, я подумаю, — мягко, чтобы не обижать Бирона, ответила Елисавет Петровна. — Но боюсь навлечь гнев и на вашу голову, тетка нам этого не простит!

— Да нет же, уверяю вас! Я уговорю ее!

— Не надо! Решительно не надо, ваше сиятельство! Вы и так много для меня сделали! — отказалась принцесса. — Боюсь, я уже должна вам столько, что не смогу расплатиться... Мы с вами разговариваем долго... Наушники вокруг уже, наверное, сбились со счета, у них и пальцев на руках не хватает, чтобы минуты сосчитать...

— Очень приятную беседу имел с вами, ваше высочество! — поклонился Бирон. — И от всего сердца надеюсь на ее продолжение.

— Вы же знаете, я редко выезжаю из своего монастыря, — пожалала плечами принцесса. — Но мы с вами обязательно где-нибудь встретимся.

Бирон еще раз поклонился, и они разошлись: Елисавет Петровна поехала в Смольный дворец, а герцог направился в покои императрицы. При этом каждый думал о своем.

«Да-а-а, не зря ее императрица Лисаветой Прехитренной зовет! Ни в один силок не угодила, только хвостом рыжим вильнула! И перстень с брильянтом не помог», — сокрушался герцог Курляндский.

«Ишь, чего вздумал — Петрушку своего сватать! Не хочу, говорит, в сватовья... Именно что хочет, да не к кому попало, а к самому Петру Великому! Сынок его только вчера с деревянной лошади слез, а его уже полком командовать поставили! Это что же: сыновья курляндских гусопасов будут русских принцесс в жены брать и державу русскую навеки, будто латифундию какую в управление забирать?! Ну уж дудки! Ничего, найдутся и на ваш барабан мои дубовые палочки! Погодьте, сыграю вам такую дробь, что вздрогнете!» — потихоньку закипала Елисавет Петровна и от бессилия так сжимала кулаки, что из-под ногтей выступали капельки крови...

ГЛАВА III

*Молния, или же громовой огонь,
не только от трения облаков происходит,
но и от императорского гнева.*

Наблюдение
энтузиаста-естествоиспытателя

Походкой скорой, как движение гросс-поствагена по бескрайним просторам Российской империи, шел герцог Курляндский по длинным дворцовым коридорам в покои Анны Иоанновны. Странные звуки, доносившиеся из-за неплотно прикрытой двери одной из комнат, возбудили его любопытство. Бирон замедлил шаг и прислушался. Какой-то мужской голос, похоже, принадлежащий царицыному шуту — Голицыну-Кваснику, тихо бубнил:

— Заговор... заговор... заговор...

Второй, женский, что-то отвечал ему.

Герцог вздрогнул, огляделся по сторонам и, ускорив шаги, почти что побежал к Анне Иоанновне. Он застал императрицу возле двери за необычным занятием: она бронзовым канделябром, постукивая, загибала гвоздь.

— Что это вы делаете, ваше величество? — удивился герцог. — Никак еще и плотницким делом решили заняться? Прямо как император Петр... Я думаю, не надо воспринимать все его заслуги столь буквально...

— Да вот гвоздь выскочил, вишь, загибаю, — хладнокровно отвеча-

ла Анна Иоанновна. — Все в державе русской царике приходится своими руками делать, даже гвозди заколачивать. Вот сейчас ты правильно сказал — как Петр Великий! Ну ничего, кровь у нас одна — Романовская! Нам, великим, руками работать не привыкать!

— Да что это такое! — вскричал Бирон. — Где секретари, плотники, столяры! Каких еще мы дармоедов кормим, что императрице за них работать приходится!

В покои заглянул испуганный начальник Тайной канцелярии Кушаков, только что зашедший в приемный кабинет и услышавший странные крики. Анна Иоанновна мановением руки отправила его обратно и, улыбувшись, ответила герцогу:

— Успокойся, не шуми. Я уже все сама и сделала!..

Герцог шумно вздохнул и, вспомнив о подслушанном разговоре, со всей возможной небрежностью сказал:

— Кстати, позволь тебя поздравить, душа моя! Мятежники сплели заговор прямо у тебя под носом — в твоём же дворце! Представляешь, иду по коридору... Слышу кто-то разговаривает за дверь. Я не специально, конечно, а просто так получилось, послушал. И представляешь, что услышал?! Оказывается — кто-то плетет заговоры! Прямо здесь!

— О! Ты это про верховников? Да когда это было! — беспечно махнула рукой императрица.

— Как когда?! Только что! — воскликнул Бирон.

— Сейчас?! — весьма сильно удивилась Анна Иоанновна.

— Что ты! Стал бы я про покойников вспоминать! Вот именно что сейчас! И именно про заговоры! Слышал своими ушами!

— Кто же там был? — императрица быстро взяла себя в руки. — По голосу никого не признал?

— Один — вроде твой шут, этот, как его, Квасник. Второй голос похож на женский, какой-то знакомый, вроде фрейлинский... А уж кто там еще — не ведаю!

— А мы сейчас быстренько посмотрим по дежурному журналу! — решила императрица, быстрым шагом подошла к жардиньерке при входе, взяла с нее засаленную тетрадку, перелистала и прочитала: — Так! Сегодня — карлица Гарелкина! Ах, вот оно что! А я-то думаю, что это она такая задумчивая! А это, оказывается, ей мятежные мыслишки покою не дают!

Императрица решительными шагами перемещалась по покоям.

— Так! Брат, брат изменщиков живьем! — решила она и крикнула: — Несмеянов! Несмеянов! Неси веревки! Несмеянов! Где он, черт бы его подрал! Когда нужен этот бездельник — ни за что не дозовешься! Тут изменщиков вязать надо, а его как назло нет!

В этот момент в покои снова заглянул начальник Тайной канцелярии.

— Андрей Иванович! — на этот раз обрадовалась ему императрица. — Слава Богу, ты здесь вовремя, как никогда! Пойдем с нами заговорщиков вязать! Хоть у тебя-то веревка при себе есть?

— У меня в карете внизу кандалы есть! — предложил Кушаков. — Походные! На всякий случай постоянно вожу с собой...

— Еще лучше! Пушай сюда притащат!..

У Анны Иоанновны проснулся инстинкт кошки-мышеловки. Сопровождающая ее кавалькада охотников-придворных кралась по дворцовым коридорам. Высоко поднимая подол платья, делая уморительные знаки об осторожности, императрица тихо подошла к двери и приложила высо-

чайшее ухо... Затем отодвинулась, недоуменно пожала плечами и одним рывком распахнула дверь!

Ее взору предстала идиллическая пастораль: секретарь Несмеянов, жмурясь и улыбаясь, сладко спал на скамье, подложив под голову казенный парик! Особую пикантность сцене придавал антураж — сновидения приходили к Несмеянову в чулане, в коем хранились маскарадные костюмы и разные маски, в те времена иногда называемые неблагозвучным словом «хари».

Ея величество в порыве гнева сорвала со стены такую, не побоюсь этого слова — харю, потому что это и на самом деле была рогатая маска какого-то козла, точнее — козы! Она нацепила ее на голову, затем подкралась к спящему Несмеянову и цапнула его за ухо.

Испугавшийся соня взвизгнул от боли, а гневная императрица уже вовсю трепала ушное — и причем, с учетом природной энергии, так сильно, — что едва не отрывала его:

— Будешь знать, будешь знать, негодник, как казенное имущество портить!

Секретарь спросонья не мог понять, отчего его мучает страшнейшая рогатая адская фурия с голосом императрицы, зачем вокруг него столько людей во главе с начальником Тайной канцелярии и к чему цепи с кандалами. Ему показалось, что он умер, и сейчас его закуют в цепи и поволочут в ад!

— А-а-а! Помилуйте, святые угодники! Царь небесный! Матушка Божья! Прости! Прости меня, дурака! — завопил он.

Императрица стащила с себя козлиную маску, теперь Несмеянов понял, что он еще на этом свете, но от этого было не намного легче, поскольку звон цепей в руках Кушакова прямо намекал на скорую каторгу и рудники. От нового приступа страха и боли секретарь завопил еще сильнее:

— Ваше величество! Матушка императрица! Я больше не буду спать! Я новый парик сошью! Два парика! Только не на каторгу!

Анна Иоанновна, наконец, успокоилась, отпустила бедное несмеяновское ухо, затем брезгливо вытерла пальцы о белоснежный платок и приказала:

— На гауптвахту его! Пусть караул хорошенько поучит его шпицрутенами! А потом в монастырь на недельку. На хлеб и воду! Грехи отмаливать!

Грозная, но повеселевшая императрица оборотилась к Эрнесту Иоганновичу:

— Этого-то пакостника мы хорошенько проучили! А где же изменщики?

Бирон задумался, затем вышел, изучил дверь и, наконец, определил:

— Похоже, мы ошиблись... Заговоры плетут в другой стороне дворца!

Предыдущая сцена повторилась с точностью: императрица снова собрала за собой придворный кортеж. Не доходя десяти шагов до двери, она насторожилась, словно кантырьвилльский спаниель, почувявший русака. Затем встала на цыпочки, прислонила палец к губам, подкралась к двери, прислушалась. Но на этот раз, прикрыв глаза, стала удовлетворенно кивать головой. Из-за двери действительно явственно раздавалось какое-то бубнение и отдельные фразы, навроде «жизнь положить... оковы... весь уклад переменить... бесплодные мечтания...»

Императрица опять — рывком распахнула дверь и в новом чулане увидела сидящих на скамейке друг напротив друга оторопевших шута Квасника и фрейлину Юшкову.

— Ага! Попались, изменщики! Ишь, чего удумали — у меня под носом козни строить да интриги плести! На каторгу собрались?! Так у меня еще каторгу заслужить надобно! Юшкова?! Ты что тут делаешь? Где Гарелкина?!

— Да вот, ваше величество, Гарелкина приболела, попросилась подменить...

— Подменить?! Обнаглели до того, что и в кознях друг дружку подменяете?! Не подмена, а измена! Ну, что молчите?! Покайтесь хоть для вида! Может, облегчение вам какое выйдет...

Впрочем, Анна Иоанновна, несмотря на предложение, не дала пойманым в ловушку произнести и слова, продолжая сыпать обвинениями:

— Все тут заговоры заговариваете! Мятые речи ведете! Молчите?.. Оттого что сказать нечего — вот и молчите! Этот-то старый изменщик, голицынской проклятущей породы. А тебя, Нюрка, к чему склоняли? Яду мне в кофей подсыпать? Или ящик с порохом под кровать задвинуть?

— Ну уж нет! — внезапно решительно сказала Юшкова. — Ничего этого вовсе и не было! А вот вы, матушка-императрица, своим внезапным появлением как раз все сорвали! Князь мне только что в любви признался! — и оборотившись к Кваснику, церемонно произнесла: — Я согласна, мой разлюбезный дружочек!

После этого наклонилась и, обнявши, поцеловала старого шута.

— Какая любовь! Какие еще там амуры! — возмутилась Анна Иоанновна. — Что ты тут городишь! Я сама слышала, как вы тут речи вели про чувства какие-то, вроде жизнь отдать и все такое подобное!

Юшкова скромно улыбнулась:

— Так это любовь и есть, ваше величество! Вам ли не знать!

— А оковы какие-то? Что еще за оковы? — продолжала допрашивать подозрительная императрица.

— Брачные оковы, брачные, ваше величество. Оковы и узы! — прорезался голос у пришедшего в себя Квасника.

— Вот те раз! — всплеснула руками императрица. — Не успели обвенчаться, а у него уже и оковы, и узы! Весь ваш мужеский пол таков!

Анна Иоанновна оборотилась к Кушакову:

— Хотя слова, в общем-то, неплохие, но скорее по вашей части, Андрей Иванович... А ты чего же, дружочек мой, молчишь? — это она уже повернулась к Бирону.

Тот резво вступил в бой:

— Я своими ушами слышал... — При этих словах герцог раздвинул парик и оттопырил ушные раковины. — Про заговоры! Именно про заговоры!

— Так не про заговоры, ваше сиятельство! Не про заговоры! А про заговоры! — снова улыбнулась Юшкова. — Про любовные заговоры, чтобы любовь была крепче — на века!

— А уклад переменить — это, видимо, про вашу будущую семейную жизнь? Вы же вместе жить собираетесь? — предположила Анна Иоанновна.

— Точно так! А вы откуда знаете? — состроила невинное лицо фрейлина.

— Да уж догадалась. Мне по должности царской жалованье догадливостью выдают, — мрачно произнесла императрица и повернулась к Кваснику: — Что ж, старче, неужто правда все сие?

Голицын, сглотнув, кивнул.

— Ну, так поцелуй, поцелуй свою ненаглядную, старый черт!

Квасник неловко обнял фрейлину и поцеловал ее в щеку. Анна Иоанновна покосилась на Бирона:

— Вот они тут уже в поцеловки играют! А ты говоришь — заговоры!..

Затем, снова взглянув на Юшкову, с тяжестью в голосе произнесла:

— Что я не понимаю, что ли? Ты думаешь, выйду за князя, пусть старенького, пусть шута... Сама княгиней стану! Не так, что ли?

Юшкова отвела глаза:

— Может, и так... — А затем даже с вызовом подняла их на императрицу: — Может, и не так... Только если уж Бог распорядится, я с князем весь свой оставшийся век проживу!

— Ну что же, молодцы! Просто молодцы! Совет вам да любовь! — сделала вид, что поклонилась Анна Иоанновна. — О приготовлениях к свадьбе даже и не думайте. Это дела придворные — устроим все в лучшем виде... Про свадьбу я сама подумаю! Подарок приготовлю! Знаете, какой? Дом с видом на Неву! Да такой, какого ни у кого нет! С видом на реку из всех окон! Такое вам веселье устрою — держитесь! Как ты там говорила? Весь век оставшийся? Вот на весь век оставшийся и запомните!..

ГЛАВА IV

Ктырь, шершнелобразное журчалое — известное насекомое, которое людям в тягость. У него имеется насосец, коим они кровь пьют. В Курляндии они водятся в превеликом множестве. Их прогоняют дымом, наипаче — от сушеных листьев клоповника или пустосельного будьяля.

Описание чужих земель и существ в них обитающих

Зайдя в покои в сопровождении герцога Курляндского Анна Иоанновна с видимым неудовольствием проговорила:

— Хочется попенять тебе, дружочек! Что же это ты делаешь?

— Попинать? — удивился Бирон и на всякий случай сделал шаг назад. — За что же это меня пинать?

— Эх ты, чудо-юдо нерусское! — враз потеряв строгость, засмеялась императрица. — Не попинать, а попенять... Пенять! Понял?

— А, не пинать, а пенять! — обрадовался герцог и тут же задумался. — А при чем тут пень?

— Да ну тебя! — к императрице возвратилось плохое настроение. — Делаешь вид, что русского языка не понимаешь, а как Лисавету нашу Прехитренную заметишь — сразу все слова находятся!

— Да, встретились в коридоре, — не стал обманывать герцог, догадываясь, что наушники уже донесли о разговоре.

— И что она? Небось на меня жалуется? — испытывающее взглянула императрица.

— Да нет... Нет... Так... — ушел от ответа Бирон.

— А денег не просила? Ежели будет просить — не давай! Я в ее годы в Митаве этой проклятой впроголодь жила, как церковная мышь в кирхе ихней! А ей, глянь-кось, и дворец тебе, и спектакли, и наряды новые!

— Кто же ее не побалуует, как родная тетка! — попробовал улестить царицу Бирон.

— Вот! Добаловались! Ее погладить хочешь, а она тебя укусит, да еще тайком перстень с пальца снимет!

При этих словах Бирон насторожился и на всякий случай заложил руку за спину.

— Да ты, часом, друг мой сердешный, к ней не равнодушен, а? Батюшки-светы! Что, тебе она тоже рыжим хвостом мозги закуртизанила? Ты, дружок сердешный, не все наобоумь хватай, что по воде плывет!

Эрнест Иоаннович как-то странно засуетился, вызывая еще большие подозрения:

— Да что ты, Аннушка моя дорогая! Как можно?! Во-первых, кто она — принцесса царской крови, и кто я... ну, ты сама знаешь... А во-вторых, ты же у меня — дружочек мой драгоценный! Зачем же мне привечать каких-то там рыжих!

— Вот что я тебе скажу! — уперла руки в бока Анна Иоанновна. — Что это ты тут мне начал выкомурить выкомуривать, а? Что это ты меня на второе место поставил?! За девочку-дуравочку держишь?! И ежели императрице голову вскружил, так, думаешь, что и принцессе можно?!

— Да что такое?! — обиженно вскричал Бирон. — Что за ревность, радость моя! Ну, взгляни на нее — вся какая-то ободранная, рваная, тьфу! А присматриваюсь к ней из-за того, что партию хорошую сынку ищущу, Петрушке своему! Пора ему жениться, вот заодно, думаю, может, сиротку облагодетельствовать... Дай Бог, на том свете зачтется...

— погоди! — задумалась Анна Иоанновна. — Так твоему Петрушке всего пятнадцать!

— Вот и я про что! — горячо подтвердил Бирон. — Заранее думать надо!

— А-а-а! Так ты бы сразу и сказал! — успокоилась императрица. — А что же ты молчишь, ничего не говоришь?!

— Так я уже раз предложил одну твою племянницу — Анну Леопольдовну за Петеньку своего отдать — и что?! — с обидой сказал Бирон. — Его не взяла, а нашли какого-то европейского женишка... Мой-то чем хуже? Только обидели парня!

— погоди! Про Антона-Антуана и Аннушку мою — это другая гистория. Тут о державных интересах радение! Вот как я гадала тогда, так и вышло: их сыночек теперь императором российским станет! Петром Третьим! Будет кому державу передать!

— Ну и кому?! — иронично покачал головой Бирон. — Когда-а-а малец еще вырастет! Как ты говоришь: дождут ли морковку до Натальи Овсяницы? Еще в июле за хвостик вытащат да схрумкают! Кто ж его жалеть станет? Отец, что ли? Антон-Ульрих?! Да он первым делом сына отодвинет, чтобы войну какую-нибудь затеять! Один супротив всей Европы пойдет!.. Императрица задумалась:

— Да, тут ты прав... В регенты Антошка совсем не годится. Слушай, может, его сразу генералиссимусом сделать? Вроде уже дальше некуда стремиться — нечего и воевать-то будет, а?.. Эх, не повезло с отцом Петруше. Как савраска без узды...

— Вот я и говорю, Лисавет Петровну надобно в регентши, — елейным голоском продолжил Бирон.

— Да ты что?! Никогда! Пусть лучше Аладьин за всеми вами присматривает! — взметнулась Анна Иоанновна. — И больше не говори мне о ней!

Бирон подошел к императрице, взял ее за плечи и посмотрел прямо в глаза.

— Знаю-знаю, о чем сейчас скажешь, дурачок ты мой немецкий... — Навернулись слезы на царские глаза. Она просящим голосом произнесла: — Даже и не думай об этом! Не по твоей голове шапка Мономахова скроена. Поезжай-ка ты лучше в свою Митаву курляндскую... Не сейчас, потом... Когда-нибудь... Спрячешься там от греха подальше — глядишь, и забудут на время, оставят тебя в покое... И мне ТАМ будет покойно...

— Да кого же это мне бояться, радость моя? Этих тетеревов? — улыбнулся в ответ Бирон.

— Эх, Эрнестушка, тетерева-то, они жирные, только клювы у них стальные — налетят стайей, заклюют, только клочки кровавые полетят...

ГЛАВА V

*Якалка-свиньякалка,
Блохастый пустобрех!
Крякалка-жундякалка,
В Мармыжи убеги!*

Детская дразнилка
начала конца XVIII века

Анна Иоанновна не зря вспоминала про князя Аладьина: тот в последнее время завалил ее разнообразными прожектами и просился на аудиенцию с новым планом российского переустройства. Дней десять она кое-как отделялась от его просьб занятостью и нездоровьем, но потом поняла, что сенатор все равно в покое ее не оставит, рано или поздно придется его принимать, и назначила ему быть у себя ровно в полдень в четверг.

Аладьин вошел в покои точно под выстрел пушки с Петропавловской крепости. В петлицу его куцего, по европейской моде, пестрого кафтана, весьма напоминавшего весеннюю лужайку, был воткнут пучок какой-то травы с мелкими, но ужасно вонючими бело-голубыми цветами. У императрицы сразу возникло чувство, что она попала в самую середину цветущего куста — уж на что она любила духи, но от густоты этого запаха аж поморщилась:

— Это цветы у тебя такие духмяные, Артемий Кузьмич? Как они хоть называются?

— Это заячья травка, ваше величество! — с приятной улыбкой отвечал сенатор. — На языке цветов означают: скучаю, не могу жить без вас в одиночестве!

— Не знаю, как на языке цветов, а на языке ароматов заячья травка твоя предупреждает: очень сожалею, что ты такой пахучий! — с неудовольствием отвечала императрица. — Ну, ладно, что там у тебя? Отчего такая настойчивость? Или тебе в сенате твоём на закуску зеленуху вместо рыжика подсунули?

Аладьин сделал несколько шагов, напустил на себя таинственность, для чего наморщил лоб и поджал верхнюю губу, и загадочно произнес:

— Ваше величество, у меня для вас нечаянная радость! Закройте глаза на секундочку!

— Нечаянная радость? — переспросила Анна Иоанновна. — То-то мне сегодня ночью синица снилась. Будто сало я за окно на мороз повесила, а

синица прилетела и давай расклевать! Я ее прогоняю, а она снова летит! У своих камер-юнкер спрашиваю, да нешто они знают... Одна говорит — это к морозу, другая — к козням тайным. Эх, Гарелкина была — она вот знала, а эти что — камер-дуры! Понасуют мне своих дочек во фрейлины, а ничему не обучат — ни сны толковать, ни побаски рассказывать, вот мучаюсь с ними! И самое главное — как их обучишь? Ни за волосья власть их не потаскать, ни на горох поставить... Сало — к морозу! Хм... А я так сразу подумала — это или к письму, или к нечаянной радости. Письма мне и так, почитай, каждый день приходят, а вот радости что-то мало. Давай поглядим, что там у тебя... Или ты, наоборот, велел глаза закрыть? Ну, ладно, ладно...

Анна Иоанновна недоверчиво, для виду прикрыла глаза, оставив небольшую щелку. И что же она разглядела?!

Аладьин осторожно, будто фокусник, извлек откуда-то из-за спины свернутую тючком роскошную горностаевую мантию, одним движением раскрыл ее и накрыл ноги императрицы.

— Хороший мех! — удивленно распахнув глаза, оценила Анна Иоанновна. — Белоснежный! Гляди-кось! А хвосты-то, хвосты! Просто великолепный! Всем мехам мех! Даже, кажется, бриллиантовым блеском отличается! Откуда такая красота?

— Самые жирных горностаев для вашего величества отлавливали! — поддакнул Аладьин. — Сват мой Михаил Филиппович челом бьет вашему императорскому величеству с благодарностью за ваши необъятные милости...

— Это который? — задумалась Анна Иоанновна. — Тот, кого мы в Кисляй назначили? Или в Рыльск?

— Нет, ваше величество, в Кисляе и Рыльске свояки мои теперь проживают. В прошлый раз я вам палантин соболиный от них передавал. А свата вы изволили бурмистром в Нижний назначить.

— А горностаи-то хороший, хороший! — продолжала нахваливать царица. — Таких горностаев у королей не у каждого есть, только через раз! А все говорят, что люди у нас в государстве плохо живут... Гляди, простой бурмистр — и такие меха чудесные!

— Клевещут, матушка-императрица, клеветают! Весьма сильно недостаток при вас поднялся, кругом одна благодать! Очень люди вокруг довольны!

— Чей недостаток-то поднялся, что-то не расслышала? — с подозрением спросила Анна Иоанновна. — Кто доволен?

Аладьин с приятной улыбкой отвечал:

— Всеобщий недостаток, ваше величество, всеобщий! И довольны все, буквально все!

— А-а-а! — с пониманием проговорила императрица и продолжила нахваливать: — А мех-то недурственный, а?

— Отличный мех, ваше величество! — подтвердил довольный сенатор.

— А вот в прошлый раз соболей кто присылал? Как ты сказывал?

— Свояки, ваше величество! Свояки мои из Рыльска и Кисляя, которым вы должностишки в питейно-акцизной палате подкинули...

— У них ведь тоже хорошие соболя были?

— Очень хорошие, ваше величество!

— Только вот одного не пойму: откуда соболя в Курской губернии взялись?

Сенатор продолжал приятно улыбаться:

— Это Рыльск, ваше величество, в Курской, а Кисляй — в Воронежской губернии...

— Хм, ты хочешь сказать, что Воронеж соболиным краем стал? Давно ли?

— Так соболя — они же дикие! По веткам, по кустикам... Леском-леском и из Сибири до Кисляя-то и добегают! — Аладьин захихикал мелким подобострастным смешком — таким же противным, как цветы у него в петлице.

— Самое главное, чтобы потом за этими соболями обратно в Сибирь отправляться не пришлось, ловить их там...

Императрица пристально поглядела на побледневшего Аладьина и успокаивающе проговорила:

— Ладно, ладно! Хорош подарок! Хорош!

— Да вот еще одна просьбишка есть, — скромно проговорил сенатор.

— Какая же? Что на этот раз? Шурина решил в генералы двинуть? Или деверя в князья? У меня вот как-то на днях был один такой, похожий проситель, правда, без горностаев... Я его самого двинула хорошенечко — так звизнула, что он теперь долго ко мне не покажется! Такой камуфлет устроила, такую мышеловку, что он рад был без хвоста сбегать... Совесть-то в конце-концов надобно иметь?!

— Да вы же, ваше величество, вы сами изволили мне в прошлый раз словосицу втолковывать о том, что без должного чину и умного за дурака могут счастья! А у меня все родственники благодаря милости вашего величества, слава Богу, пристроены. Я про другое... Вот как-то вечером снова о государственных делах подумал...

— Что-что? — удивилась императрица. — О государственных? Да ты не заболел ли часом, Артемий Кузьмич?! Не кумоха ли тебе лоб так раздула? Ну-ка, дай лоб пощупаю... Да нет, вроде голова пока холодная. Али съел чего? Тут уж не зеленуху вместо рыжика, тут мухомор, видать, кто-то подложил! У вас там, в сенате, глаз да глаз нужен, не успеешь оглянуться — притравят! А-а-а, догадалась, это цветы пахучие тебе весь ум взбеленили...

— Да нет, ваше величество, вот вы все шутить изволите, а я взаправду подумал...

— Ну говори, сударик! Вначале письмами меня своими завалил по самую шею, а теперь, видно, так допекло, что сам явился! И что же ты там надумал? — уже с явным неудовольствием говорила императрица.

Между нами говоря, запали в голову Артемия Кузьмича прежние разглагольствования императрицы о северных землях и новых ледяных угодьях... А поскольку он справедливо посчитал, что для мудрого государя ничего лучше нет, когда его подданные его же указы своими словами пересказывают, он и решил напомнить императрице ее же мысли.

— Я вот умом осознал, что государство наше со всех сторон неприятель окружает: с югов — турки, с норд-веста — шведы, с самого весту врагов еще больше, не сосчитать, с оста — монгольские нашествия когда-то были, беречься приходится. А вот с севера — никого, одни пустые земли, где только медведи белые расхаживают. Так я подумал, что раз они пустые, то, может быть, их в казну и забрать?!

— Вот это ты молодец... Молодец! Ловко придумал! — похвалила Аладьина императрица. — Я тож как-то о сем размышляла. Единственное, что холодновато там. Снега да льды кругом, а так — ничего. Да это лад-

но — соболей из твоих средствников в Рыльске потрясем как следует — как раз шуб нашьем, все севера в меха оденем, и — вперед!..

Анна Иоанновна продолжала бы долго разглагольствовать в том же духе, но ей пришла в голову внезапная догадка, которую она сразу же решила проверить.

— А вообще-то мысль хорошая! — резко изменила она оценку. — Ежели там ледок сколоть, снежок подчистить, на севере ведь теплее будет?

— Намного теплее, ваше величество! — поддакнул Аладьин. — Ото льда весь холод и идет! Вот, к примеру, ледник взять: на улице — жара, помидоры цветут, а в подвале ото льда сметана застывает до того, что от нее потом горло пухнет!

Анна Иоанновна продолжала рассуждать:

— А ежели там, на северах, снежок подчистить, то можно и землю распахать?

— И распахать, и сеять можно! Хотя бы, допустим, травку для коровенок — на сено! Вон поморы аж до Белого моря добрались, значит, и дальше, до полюса Северного, можем луга да пашни наши подвинуть! Черноземцу навезем с Курска да Воронежа, навозцу подсыпем — глядишь, и заколосятся поля! Только ухаживать за ними надо...

— Ухаживать-ухаживать... Вы все о дамах думаете! Потом ухаживать будете, когда держава вздохнет с облегчением! — невпопад прервала его речь задумавшаяся о чем-то своем императрица, но затем быстро взяла себя в руки и продолжала: — Это ты хороший прожект придумал, Артемий Кузьмич! Голова! Одна только закавыка — кто ж задумке такой великой ладу даст?! Я-то уже в возрасте, сил немного осталось. Наследник наш — Петенька — мал возрастом, ему еще в бирюльки игратья предстоит. Родители его, по правде сказать, люди никчемные. Герцог Курляндский смог бы, но вот все просится к себе домой отпустить — на волю. Миних с генералами? Тоже не годится, им свободу дай — они вместо лугов и пастбищ казарм да плацов на радостях там понастроят...

— А герцог Бирон и вправду в Митаву уезжать собрался? — осторожно поинтересовался Аладьин.

«Эге! И этот в регенты метит!» — поняла Анна Иоанновна, но виду не показала.

— Да. Совсем замучил меня... Говорит, надоело ему тут, на родину хочет... Сейчас вот дождется из Курляндии бумаги от баронов и улетит на тройке домой...

— Тогда, быть может, я бы мог за это дело взяться? — предложил сенатор. — Только надобно мне для этого деньжат казенных, людишек, да должность какую-нибудь соответствующую...

— Ох ты, я ж про самого главного — про тебя — и не подумала! — для виду удивилась императрица. — Кому ж еще делать, как не Артемию Кузьмичу! Как говорится, придумщику — первый пряник! Больше, выходит, некому такой дельный прожект в жизнь пускать!

Довольный Аладьин воспрял и даже несколько воспарил в воздухе.

— Конечно-конечно! Все дам! Все, что ни захочешь!.. Только вот что... — задумалась Анна Иоанновна. — Дело-то новое! Жизньню подданных рысковать нельзя: если враз людей тыщами подыдем, да на север погоним, так можно и подданных разом лишиться! Надо же вначале все проверить, опыты провести...

Артемий Кузьмич схватился за голову:

— Так пока будем проводить, полюс Северный кто-нибудь и займет!

— Вот-вот! Надобно скорее же и, самое главное, тайно все опыты осуществить. Вот, например, вдруг придется на льдине спать!.. Ты сможешь ночь лежа на глыбе льда провести? А ежели не одну?

— Не знаю, — нахмурился Аладьин. — Но если вы, матушка, прикажете — смогу! Наверное...

— Не бойсь, не прикажу! Твои головные извилины нам важнее спинных мозгов: вдруг еще какую-нибудь стратегию выдумаешь! А кого в ледник посадить — это я всегда найду! Кстати, в леднике, если мне память не изменяет, здоровый парень ночь запросто высидит! Но еще разок про-верить не мешает!

— Вот пока мы будем все проверять, иностранные державы пронюхают и сами на полюсе будут! — попробовал еще раз трепыхнуться сенатор, но хватка Анны Иоанновны была крепчайшей.

— Погоди-погоди! Я такое придумала, что мы их всех запросто вокруг носа обведем! — императрица многозначительно подняла указательный палец вверх. — А назовем мы нашу прехитренную затейку — «Ледяной дом»!

— Какая же это может быть затейка? — льстиво сказал Артемий Кузьмич. — У вашего величества могут быть только величайшие планы да замыслы!

— А тебе их и воплощать! — решила императрица. — Так тому и быть! Будешь главным, нет — енеральным! Енеральным распорядителем! Помощников сам подбирай, а кто будет на льдине спать, на ледяной кровати — я сама тебе подберу.

— Да кто же на такую страсть по доброй воле согласится?!

— Есть, есть такие люди!

ГЛАВА VI

*Междометия делятся на
радостные (га!), сожалительные (ув!),
удивительные (ах!), внезапные (ба!),
презрительные (фу!), запретительные
(цыц!) боязливые (ой!), отказительные
(чево?), негодовательные (вон!),
ободрительные (авось!), похвалительные
(исполать), смеятельные (ха!).*

Новейший учебник наставника-словесника

...Во дворце Анны Иоанновны собрался ближний круг: Бирон, Кушakov, Аладьин. Кажется, обсуждают предстоящие забавы...

— Ну, что у вас нового? — зевнув, спросила императрица.

Герцог Курляндский развел руками:

— Да вот что-то не получается...

Ея величество усмехается:

— Нового что, спрашиваю!

— Готово все! — преданно глядя в глаза правительнице, доложил сенатор Аладьин. — Буквально все!

— Как готово? Что — все? — вскричал Бирон. — Ничего не готово! Все провалено! Вот это в самом деле — все! Сметы нет, деньги разворованы, лед не заготовлен, харчи людишкам на праздник не собраны, а те, что собрали, уже сожрали! Пииты напились, как обычно...

— Вот уж с пиитами как-нибудь сами разберитесь, этих пьяниц еще мне не хватает! — возмутилась императрица. — Да к тому же, небось, в их сочинениях и про меня что-нибудь будет, надеюсь, — слегка застеснялась она, — так что мне даже неприлично будет про себя пиитам указания давать. Вы там сами какое направление считаете нужным, туда их и толкайте.

Аладьин и герцог Курляндский вежливо поклонились.

— Так как же, ваше величество, — напомнил Бирон и стал перечислять. — Деньги разворованы, лед не заготовлен, харчи съедены...

— Разрешите вставить в вашу умную речь свой алтын! — перебил его Аладьин.

— Да ты что, князь, какой алтын?! У тебя, что ни слово — рубль!.. Нет — червонец золотой!

— Ах, оставьте, ваше сиятельство! — скривился Аладьин. — Это же все мои деньги, как-нибудь сам разберусь!

— Как — твои деньги? — возмутился Бирон. — Откуда у тебя деньги? У тебя жалованье сенаторское — десять копеек в день!

— А кормовые, а дровяные... — стал перечислять Аладьин...

— А перовые, а пуховые! — с ухмылкой поддакнул ему начальник Тайной канцелярии.

Кушаков с Бироном, переглянувшись, язвительно засмеялись. Аладьин в недоумении развел руками.

— А ты, батюшка мой любезный Андрей Иванович, вместо того, чтобы побаски сказывать да шутки шутить, доложил бы лучше, что там по твоей части происходит, — неприветливо осадила Кушакова императрица.

— Вот у меня, ваше величество, на самом деле все хорошо. Слухи среди посольств распущены самые невероятные. Все послы канцлера Аустермана осаждают, требуют приглашений на торжество. А он, как вы велели, изображает неведение и отговаривается болезнию.

— Это ему лучше всего удастся, — по-прежнему без улыбки прокомментировала Анна Иоанновна.

— Справедливейшее замечание! — продолжал начальник Тайной канцелярии. — Ежели какому актеру в театре понадобится болезнь изобразить, так лучше нашего канцлера в мире не найти. Когда он пятьсот талеров у прусского посла Пуффендорфа нашего Рейнвиновича занял, тот потом у него год их обратно не мог вытребовать, потому что у Аустермана каждый раз приступ подагры приключался. До того сильный, что Андрей Иванович по земле катался. Посол ему грозит на всю Европу ославить как должника и неплательщика, а Аустерман его в ответ жалобно умоляет оставить в покое больного человека, находящегося при смерти.

— Вот про это первый раз слышу, — призналась императрица. — И что же — отдал?

— Отдал, конечно! Андрей Иванович, кто же не знает — он же честнейший человек! Только Рейнвинович перед тем явился в дом к нему со своим столом, походной кроватью, разлегся прямо в кабинете и заявил, что не уйдет, пока ему долг не отдадут. Поерзал-поерзал наш канцлер, повалялся по полу, потом плюнул, поднялся, вытащил из шкафа деньги и отдал со словами: «На какие только подлости люди из-за денег не идут!» Так это еще не все! Пришел Пуффендорф к себе, стал деньги пересчитывать, глядь, а там все равно трех червонцев не хватает. Да уж на это он рукой махнул. Это, говорит, как в банке процент, только наоборот, не банк мне дает, а я Аустермановскому банку должен...

Анна Иоанновна слушала рассказ Кушакова напряженно, опустив глаза, думая о чем-то своем.

— Не проболтался ли кто? — подняла она взгляд на начальника Тайной канцелярии. — Не проведал ли кто про наши приготовления? От этого многое зависит.

Тот отодвинул шутейство в сторону, задумался.

Долгую тишину прервал Бирон, который попытался перевести разговор на другую, с недавних пор волновавшую его тему:

— А что это такое за слово — пенять? При чем тут пень?

Начальник Тайной канцелярии всeko заявил:

— Кому знать, как не мне! Это когда деревья в лесу спилили, а оставшиеся пни выкорчевать надо. Тогда на эти тяжелые работы направляют исключительно каторжников и при этом им говорят: «Ужо я тебе попеняю!»

Аладьин с этим, конечно, согласиться не мог:

— Вовсе и не так! Не пень, а пена! Это когда пиво в кабаке наливают и в нем пены много, то кричат целовальнику: «Я тебя щас попеняю!» или «Хватит мне тут пенять!»

— Сам ты дурак, и голова у тебя в пене! Только не разгляжу: в пивной али мыльной! — не выдержала Анна Иоанновна. — А ты, Андрей Иванович, извини меня, пожалуйста, сам, видать, не так давно из лесного глюшатайника выбрался, оттого-то тебе везде пни и мерещатся!

Бирон, так и не понявший значение таинственного слова «пенять», решил, что одно его звучание вызывает императорское неудовольствие, и поспешил выставить под царский гнев сенатора:

— А помните, ваше величество, когда Юшкову сватали, Аладьин подтвердил ваши слова, что в честь такого события памятного построит ей дом на Неве! А она от радости чуть в обморок не хлопнулась...

Императрица отвлеклась от раздраженных мыслей, улыбка едва заметно пробежала по ее губам:

— Посмотрим, сколь долго подарок простоит. Иные дома до лета не доживают, столь непрочными их возводят...

Уже выйдя из императорских покоев, Эрнест Иоганнович отозвал начальника Тайной канцелярии в сторонку и вполголоса поинтересовался, знает ли он, что ея величество изволила сенатору Аладьину время уделить по завершении сенаторской аудиенции.

— Как же, как же, ваше сиятельство, сразу мне об этом стало известно! — закивал головой Кушаков. — Когда царица господам сенаторам ручку подала, то все просто приложились с громким целованием, а с Аладьиным она еще минуты три говорила, все ожидавшие аж издергались. Ну, я по своей должности к Аладьину вечером заглянул... Но про должность, конечно, не сказал, а упомянул про природное свое любопытство. И, разумеется, поинтересовался разговором, если он, конечно, государственной тайны не составляет.

— И что же? — напряженно спросил Бирон.

— Сказал Аладьин, что раньше лицо у него было кирпичного цвета, а теперь посвежело и побелело от натирания сорочьими желтками. Так вот императрица этим рецептом и интересовалась.

— Врет! — определил Бирон. — Рожа у него как была кирпичной, так и осталась, хоть тыщу сорок ему на голову снесутся — не поможет. Наверняка опять ея величество своими ухаживаниями одолевал...

Стиходеи или стихачи, рифмачи, стихоткачи, стихотворцы (пышно), а иных именуют куплетисты, стишколяны, рифмоплеты, они же все — пишты — есть словесные живописцы картин поучительных, печальных, нежных, фривольных, а чаще вовсе бесполезнейших. Несмотря на то, что иные творения приятно бывает почитать, особенно после обеда, рифмоплетство одним из последних занятий почитается, коим занимаются токмо неспособные к иным полезным работам.

Заветная тетрадка об умножении казны и принесению пользы Отечеству

В этот утренний день сенатор Аладьин обычно не принимал просителей в своем дворце на Миллионной улице, но пиит Сверчиевский был настойчив, и причиной тому было прозаическое безденежье, из-за чего его поутру погнала из дому супруга, заставив побегать в поисках пропитания, будто серого лесного собрата.

— Чего надо? — с неудовольствием спросил Аладьин, запахивая теплый простеганный халат приятного красно-зеленого крыжовенного цвета, сверху покрытый парчой с собственными вензелями. — Праздников никаких пока вроде не намечается. Поэмы твои, значит, тоже без надобности. Как потребуешься, так вызовут с посыльным, чего приперся?

— Знаю, знаю, ваше сиятельство! — заюлил Сверчиевский. — Извините, что отвлекаю вас от наиважнейших дел... Но скудость пропитания и планы обширные пиитические заставляют просить ваше сиятельство о воспомоществовании...

— Какие же у тебя могут быть планы? — усмехнулся Аладьин.

— Столь велики деяния императрицы нашей Анны Иоанновны и Вашего сиятельства, что меркнут перед ними все предшествующие правления и, не приведи Бог — будущие. И долг мой — оставить в памяти потомков ваши величайшие подвиги!

Голос Сверчиевского обрел высоту, пафос и особую убедительность:

— Рад я, что живу в одно время с вами, дорогой и глубокоуважаемый Артемий Кузьмич!

Но Аладьин не повелся на откровенную лесть и скептически пожевал губами:

— Чего же тебе надобно, пиит? Говори прямо!

— Не могу полноценно творить, ваше сиятельство, ибо, как я уже сказал ранее, скудость жизни не позволяет во всей полноте осознать все величие ваше и прочувствовать близко к сердцу, так сказать, ваш образ жизни...

— Говори короче, — потребовал сенатор.

— Для того чтобы в полной мере осознать вашу гениальность, ваше

сиятельство, хотелось бы быть хоть немного поближе к вам — немного пожить в вашем дворце, посидеть с вами вечерами у камина...

— Поездить со мной в золоченой карете... — начал вкрадчиво добавлять Аладьин.

— Да-да, — мечтательно поддакивал ему прикрывший глаза Сверчиевский.

— Кушать со мной яства на серебряной посуде...

— Да... — уже изнемогал от фантазий пиит.

— А знаешь что, любезный ты мой, — продолжал ласково говорить Аладьин, глядя на умиленное лицо Сверчиевского, — знаешь, что разлюбивший ты мой... Пиитишко ты негодный!..

При этой фразе бедный Сверчиевский вздрогнул и широко раскрыл глаза, с которых в один миг слетело пленительное покрывало тумана.

А голос сенатора уже гремел, набирая мощь:

— Ах, ты паскудный... Нет, препаскуднейший негодник! Ишь чего удумал — со мной, как с ровней себе, за столом сидеть... Да я тебя!.. Да это же — измена!.. — неожиданно вслух сам себе удивился Аладьин и попытался пнуть Сверчиевского, который уже успел проползти под стол и обхватить его ногу в теплом шерстяном носке с нахлобученной сверху мягкой бархатной туфлюю.

— Нет, нет, нет... — доносились снизу звуки. — Отец родной... разлюбивший... вашейшее сиятельствошее...

Аладьину на мгновение показалось, что этот гнусный пиитишко, от которого за версту пахло водкой, черным хлебом и луком, вдруг решил вскарабкаться к нему под столом поближе — вверх по разношенным домашним тупоносным туфлям из нежнейшего серого бархата с золотыми пряжками, пуховым шерстяным носкам и белоснежным шелковым чулкам, парчовому халату и английского покроя камзолу, застегнутому на бриллиантовые пуговицы — и тогда его наглая рожа окажется прямо перед ним!

Он вздрогнул от этого ужаса и со всей силы таки пнул Сверчиевского, отчего тот выкатился по скользкому паркету почти на середину залы.

— Пошел вон! Пошел вон! Мерзавец! — кричал сенатор.

И когда Сверчиевский уже почти в прямом смысле слова выползал из кабинета, Аладьин внезапно вспомнил об одной преважнейшей вещи.

— Эй, погоди! — окликнул он пиита.

Сверчиевский поднялся на ноги и стоял ни жив ни мертв, ожидая чего-нибудь худшего.

— Хорошо, дам я тебе десять рублей, ежели сейчас, прямо при мне немедленно свою просьбу в стихах изложишь. Посмотрим, какой ты пиит! Ну-тка, давай! — И сенатор, ухмыляясь, издевательски уставился на Сверчиевского.

Пиит, к его профессиональной чести, сумел быстро взять себя в руки и, слегка запинаясь, продекламировал:

Щедр к пиитам и не жаден

Покровитель князь Аладьин!

У ног его кладу я скромное прошение

И счет за предыдущие творенья.

— Вот насчет щедрости — это ты преувеличил, — Аладьин выглядел удивленным и смог придаться только к этой строчке.

— Как же, как же! — с жаром начал протестовать Сверчиевский и от волнения продолжал говорить стихами:

Она с небес водой счастливой,
Как дождь питает спелы нивы!

— Слушай, Сверчиевский, — задумался Аладьин. — А отчего же это мы пиитам придворным платим такие деньжищи за их работу? Вот я посмотрел на тебя — это же ерунда! За десять секунд накропал куплет, за пять минут — стихок! И все! И ходи себе гололем по кабакам! Вон плотник на верфях топором целый день машет — под вечер так умается, сердешный, а ты вон — раз и готово! А императрица у нас ще-е-едрая — всем платит!

— Ах, Артемий Кузьмич, да если бы вы знали, как тяжело стихи выходят! Корчишься, корчишься, а Муза проклятущая все никак не прилетает, — жалостливо застонал Сверчиевский.

— А какая же муза тебя сейчас укусила? — усмехнулся сенатор.

— Ваше сиятельство так застращать изволили, — оправдывался пиит, — что стихи прямо сами собой из уст полились!

— Слушай, раз это средство тебе так помогает, может быть, тебя эдак почаще пужать надобно? А? А ежели не пужать, а конкретно розог всыпать, или батогов — это поможет? — начал заинтересованно прикидывать Аладьин. — Как считаешь?

Сверчиевский убежденно заявил:

— Ни в коем разе не поможет, ваше сиятельство! Для настоящего творчества нужен полет душевный, чтобы мысли возвышенные на ум являлись, а когда секут, то думы возникают из того места, кое секут — сиречь самые низменные и, я бы даже сказал, предосудительные для юношества!

— Неужели? А может, все-таки стоит попробовать? — заговорщически подмигнул Аладьин и даже потер руки от предвкушения зрелища.

— Нет, ваше сиятельство, помилуйте — никогда такого не бывало, чтобы на экзекуциях кто-либо возвышенными стихами говорил...

— Ну да, ну да... — стал задумчиво вспоминать сенатор. — Ругаются — бывает, пощады просят — да..., визжат до смерти, кровичей харкают... а вот стихов, и правда — не слышал!

После этого он макнул гусиное перо в чернильницу и коряво нацарапал: «Выдать пииту Сверчиевскому долх наш в двадцать пять рублей за прошлую работу и стоко же в щет нового же заказа». Потом посыпал написанное песком, стряхнул, перечитал. Зачеркнул «стоко же» и надписал сверху «двацать». Еще раз перечитал, вздохнул и протянул бумагу Сверчиевскому:

— Получишь у моего казначея.

Сверчиевский почтительно двумя руками принял бумагу, поднес к глазам, внимательно прочитал и деловито поинтересовался:

— О каком заказе ваше сиятельство беспокоиться изволит? На праздник? Хорошая рифма вчера на ум пришла по случаю: сердцем — перцем... На именины? Предлагаю: рождение — наваждение. Очень свежий, можно сказать, еще непоцарапанный вариант... На крестины? На упокоение тоже имеются неплохие рифмы...

— Погоди, — остановил его Аладьин. — Я такой праздник для нашей матушки Анны Иоанновны устраиваю, чтобы всех переплюнуть! Целое представление! Чтобы весь мир, все народы при сем присутствовали и возрадовались! Давай — думай! Три дня тебе сроку!

*...А также денежные подношения
поздравляльщикам и прочим другим
мелочным славельщикам, кои подробно
описать из-за их числа возможным
не представляется...*

Опись расходов двора
императрицы Анны Иоанновны
за 1739 год

Когда Сверчиевский бочком выползал из кабинета Аладьина, то нос к носу столкнулся со стародавним конкурентом — пиитом Сумерковским. Тот, расфранченный и надушенный, стоял в приемной, эффектно отставив ногу в полосатом чулке, засунутую в старый башмак с дыркой на месте большого пальца.

«Эге, брат, уж не за деньгами ты с утра приперся? — подумал Сверчиевский. — Погодь удочки разматывать — местечко уже мной прикормлено».

— А, глубокоуважаемый Сергей Сергеич, вы уже здесь? — разочарованно пропел Сумерковский

— Да-да, Аристарх Никодимович, — отвечал Сверчиевский, плотно прикрыв за собой дверь кабинета. — Его сиятельство с утра было очень обеспокоено состоянием отечественной литературы и изволило послать за мной, чтобы обсудить насущные вопросы нашей словесности...

— И что же он велел послать именно за вами? — ревниво спросил Сумерковский.

— Знаете, любезный Аристарх Никодимович, воистину одними словами с вами говорим! И я о том же его сиятельство спросил! А он мне — знаю, мол, что лучше о сих вещах с самим гением, столпом нашей литературы посоветоваться — с самим Аристархом Никодимовичем Сумерковским, да боюсь отвлекать его от творчества всяким праздным суесловием. Нет, говорит, пускай наш столп творит в уединении, а я его отрывать не смею!

— Что, прямо так и сказал? — недоверчиво спросил Сумерковский.

— Истинно так! — торжественно провозгласил Сверчиевский и для весу повторил: — Именно столп! Столп нашей словесности!

Похоже было, что это слово по отношению к конкуренту доставляло ему особое наслаждение. Сумерковский смотрел на собеседника с нескрываемым подозрением:

— И что же?

— Я, конечно же, его сиятельство поддержал. Вы знаете, с какой душевной симпатией я к вам отношусь... — попробовал взять под руку собрата по перу Сверчиевский.

— Да уж знаю — отдернул руку Сумерковский.

— Так вот, посидели с его сиятельством, — сделал вид, что не заметил Сверчиевский. — Посидели, прямо скажу, без затей, по-простому, поговорили, обсудили... словесность нашу. Винца выпили — не без этого...

— Винца?! — донельзя удивился Сумерковский и принялся. От Сверчиевского по обыкновению пахло водкой и луком.

— Ну да, что тут такого, — простодушно пожал плечами Сверчиевский, как будто всю жизнь только и делал, что по утрам попивал винцо с сенаторами. И продолжал далее:

— Его сиятельство вообще в прелестнейшем настроении был! Как шутило! Как тонко шутило его сиятельство! Остротами так и сыпал — и все превосходнейшими, тончайшими! Говорит, мол, что работа у нас с вами, Сергей Сергеич, тяжелее, чем у плотников на верфях! Им-то что — знай маши себе топором целый день в удовольствие! А нам, то есть пиитам и сенаторам, говорит, надо каждый день топором невидимым незрелые умы наших подданных, словно бревно, обтесывать! Вишь как!

— Н-да, интересно, интересно... — задумчиво теребил заштопанное в нескольких местах жабо Сумерковский и вдруг испытывающее спросил:

— А денег не предлагал? Или сам у него просил?!

— Да что вы, Аристарх Никодимович! — не моргнув глазом Сверчи-евский. — Его сиятельство говорит о таких возвышенных материях — о великих задачах словесности! И тут я — о каких-то презренных деньгах?! Ни за что! Ни за что бы я не смог в такую минуту про такую гадость даже подумать!

— И что же дальше? — продолжал допытываться Сумерковский.

— Да, в общем-то все... Конечно, его сиятельство на прощание обласкал до невозможности, предложил заходить к нему в любое время! Да я думаю, что не буду злоупотреблять добротой Артемия Кузьмича... Чего уж там, этому делу мы не обучены, — Сверчиевский смахнул с глаз невидимую слезинку, — нечего и привыкать...

— Ну да, ну да, — никак не мог решиться поверить собеседнику Сумерковский.

Конечно, для такой недоверчивости были свои причины, не раз собрат по перу обводил его вокруг пальца, да и сам он, честно говоря, платил ему тем же. Но на этот раз настолько обезоруживающе добродушно было лицо конкурента, которое так и светилось довольством и искренним участием.

— Что-то уж очень вы рады, Сергей Сергеич, — предъявил последний аргумент Сумерковский.

— Отчего ж не радоваться, Аристарх Никодимович, — со всей возможной искренностью удивился Сверчиевский. — Вы же знаете, что поговорить с его сиятельством об отечественной словесности — это будто в голод плесневую хлебную корку найти, или в летний зной туче на небе появиться, а зимой в лютый мороз изгрызенные мышами валенки в чулане обнаружить!

— Ах, Сергей Сергеич, прекратите, меня всегда корбило от ваших деревенских метафор, — поморщился Сумерковский.

— Ах, да-да-да... Извините, не смею вас задерживать. Пойду домой обдумывать мудрые мысли, которое сегодня изрекало его сиятельство!

Сверчиевский помахал сотоварищу рукой и, обиженно склонив голову, направился к выходу. Зашедший в кабинет герцога Сумерковский не видел, что Сергей Сергеич на полпути резко изменил курс и быстро спрятался за портьеру, оставив небольшую щелку для глаз.

Долго ждать ему не пришлось. Через минуту из кабинета выскочил потный красный Сумерковский, одной рукой поддерживающий половинки в очередной раз разорванного жабо, а другой ухватившийся за бок. За ним неся разъяренный сенатор, держащий в руках нечто похожее на посох библейского странника.

Как выяснилось впоследствии, это был невесть как оказавшийся в кабинете старый жезл мажордома, который теперь использовался явно не по назначению.

Как опять же выяснилось позднее, Артемий Кузьмич с самого нача-

ла с каким-то непонятным предубеждением воспринял приход Сумерковского и даже процедил сквозь зубы нечто вроде:

— Уж развелось пиитов на Руси... нигде нет от них покою...

Однако Сумерковский то ли не расслышал, то ли не придавал значения этой загадочной фразе, что, конечно, было с его стороны большой ошибкой. Нет, в целом его сиятельство вело себя достаточно спокойно... Но до той поры, пока Сумерковский не проблеял что-то о деньгах.

Видимо, эта фраза и вывела Артемия Кузьмича из себя. Надобно же знать, господа, что с тех пор, как сенатор приблизился к нашей матушке императрице Анне Иоанновне, любые просьбы о казенном вспомоществовании он воспринимал исключительно как попытку залезть в его личный кошелек.

А кому из вас понравится, господа, если это будут делать дважды за одно утро! Неизвестно, как вы сами бы повели себя в подобной ситуации. Быть может, вы бы начали метаться по помещению как нубийский лев, царапая полированную мебель когтями и извергая окрест страшный рык? Или стали крушить о паркет в гневе все, что ни попалося вам под руку? Или же драли на мелкие клочки все попадающие вам под руки бумаги, несмотря на их сугубо тайное содержание?

А тут же — никакого ущерба государевой собственности, если не считать голову и бока бедного Аристарха Никодимовича! Более того, по некоторым свидетельствам, Артемий Кузьмич даже и вспылил-то не сразу. На просьбу Сумерковского о деньгах он промолвил нечто вроде:

— Нет, ну два баламошника за одно утро — это уже слишком! Тут никакое здоровье не выдержит!

Вдобавок опростоволосился бедный пиит: перепутал листы в своих карманах и положил на столь вельможи произведение, которое предназначалось для взора герцога Курляндского:

Сиятельному герцогу Бирону,
Чья щедрость воссияла как корона —
У ног кладу я скромное прошение
И счет за предыдущие творенья.

А зная об отношениях особого свойства между Эрнестом Иоганновичем и Аладьиным, неудивительным было последовавшее весьма многозначительное высказывание сенатора о том, что повадилось зеркало кривую рожу показывать, оттого и разбилось.

Затем хозяин кабинета собрал в кулак всю волю, пиитический опус и некоторые лежащие на столе счета, после чего волю оставил при себе, а скомканные бумаги швырнул в лицо пииту.

Вот после этого решительного поступка, собственно говоря, и попался Артемию Кузьмичу на глаза старый жезл мажордома, коему он нашел столь неожиданное применение. Некоторые злопыхатели рассказывают, что его сиятельство гналось за бедным Аристархом Никодимовичем еще два квартала и, взъярясь, называло его архиплутом, протобестией и брандахлыстом, а точнее — бр-р-рандахлыстом!

Но это вряд ли — с чего бы это сенатору бегать с посохом по улицам. Мне думается, что он просто погонял пиита по дворцу — так, больше для вида. А скорее, просто отвесил ему хорошего леца — на сдачу, на базар сходить, кренделей купить.

Это еще хорошо, что он не обнаружил спрятавшегося за портьерой Сверчиевского, а то бы досталось обоим! Сергей Сергеич сначала смешком в своем укрытии закатывался:

— Столп словесности... Столп — да не тот!

А потом, как почувял, что тоже за кумпанию может орехов огрести — враз прижух и едва с обоями не слился!

Аристарх Никодимович впоследствии долго обижался на сотоварища, прилюдно обзывал его мизераблем, порождением Ехидны и Горгоны, а также высокообразно желал, чтоб ему сколопендра щи варила, выпь песни пела, а черепаха за водкой бегала! Чтоб саранча все его книжки сожрала! Чтоб дятел в его плещи дупло продолбил!.. Ну, все, хватит, а то, лично зная Сумерковского, я подозреваю, что его ругательства могут продолжаться до бесконечности...

ГЛАВА IX

Умение выпить чарку вина у дипломата за доблесть следует почитать, ибо чужие секреты при застолье намного легче утекают. Главное — не выпиться из ума, лишая оного не столько себя, сколько своего государя.

Памятная инструкция
коллегии чужестранных дел

Мороз обошел ночной Петербург, крадучись, заглядывая в окна, запоминая акварели снов, а потом одним взмахом остановил, околдовал, заморозил их, нарисовав на стеклах дивные картины: на них раскинулись пряные заморские города, фрегаты с развевающимися парусами неслись, подгоняемые попутным ветром, шершавые чешуйчатые рыбы с воздушными плавниками выплыли из глубин, чтобы полюбоваться на эти чудеса, а жар-птицы распустили невиданные хвосты и роняли тут и там свои чудесные волшебные перья...

Анна Иоанновна вначале ногтем поковыряла лед на стекле, потом приказала фрейлинам дыханием растопить морозные узоры. Те начали дружно дышать: тонкая Щербатова, сложив губки, точно выдувала мелодию в дудочку, Хитрово — просто и бесстрастно, словно крутила кофемолку, а Загряжская дышала так, будто внутри ее большого тела находился кузнечный мех, отчего одна вскоре растопила лед почти на пол-окна.

— Хватит, хватит! — нетерпеливо растолкала фрейлин императрица и припала к окну, стараясь разглядеть, что там происходит.

За окном, перед дворцом, на льду Невы за одну ночь, словно по волшебству, вырос огромный дом, целиком выстроенный из льда! Блестели на солнце полупрозрачные стены, алмазными гранями переливалась крыша.

А на набережной Невы шумела невообразимая толпа! Каких только народов там не было! И половцы с печенегами в мохнатых остроносых шапках, и чухони с чалдонцами в тулупах с двойным мехом — наружу и внутрь, и скифы с тьмутараканцами, несмотря на мороз, одетые в короткие кожаные кафтаны, а еще ильменичи, бобряне, бодричи, журличи, глиничи, тамлыкчане, могиканичи, сиучане, ленцы, сельдюки, обичи, томичи, мурлычичи, угличичи, дуничи...

Императрица с раскрытыми от восторга глазами рассматривала и ледяной дом, и великую ярмарку народов Российской империи:

— Неужели это все — мои подданные?

Она рукавом парчового золотчатого платья протерла быстро замерзающее окно и решительным голосом скомандовала:

— Пошли наружу! Ничего отсюда не видать!

— Холодно, ваше величество! — попробовал урезонить ее Бирон. — Замерзнем... А как комедь начнется, тогда поближе и выйдем... Так ведь ерунда! Одно увеселение...

— Небось! — отмахнулась Анна Иоанновна и, вспомнив что-то, повеселела. — У меня одежонка теплая есть! И ты мне это, дружок, брось! Какое тебе увеселение! Это не развлечение, а представление для надежды народной задуманное, и без нашего императорского присутствия в нем смыслу вовсе нет!

— Салопчик новый — сюда! — приказала она Щербатовой.

Та вскоре принесла подаренную Аладыным новую великолепную горностаевую мантию.

— Откуда сие произведение? — удивился Бирон. — Я что-то ранее сей вещицы в вашем гардеробе не замечал?!

— Так, мелочь, — с видимым равнодушием ответила императрица. — Подарил один дружок.

Герцог нагнулся, взял в руки шлейф и пожал, потряс его руками.

— А мех — так себе, тонковат для наших погод. Никакого от него толку, только одна видимость. Да и то — на один раз куда-нибудь сходить, а потом в стирку, али сразу выкинуть. Лучше бы мне, ваше величество, сказали, я бы получше подарил бы!

— Сказали бы... подарил бы... Все разговоры — одно только бы да бы... Если бы, да кабы... А некоторым и говорить не надобно — они сами видят, что императрица их в обносках старых ходит! — поджав губы, произнесла Анна Иоанновна.

Герцог заскрежетал зубами, в бессилии бросая по сторонам гневные взгляды, увидел довольного Аладына и сразу все понял. «Ну, погоди! — подумал он про себя. — Ужо с этой забавой закончим, я для тебя другую потеху устрою, такой фейерверк, что сам шутихой огненной у меня завертисься!»

Несмотря на продолжающееся брюзжание Бирона, императрица вышла на мороз. Прямо перед дворцом выстраивался свадебный кортеж. Надобно сказать, что пущенный Тайной канцелярией слухок нашел благодарную цель в виде ушей заморских послов: в их умах родилось неожиданное логическое умозрение, что герцог Курляндский улестил-таки императрицу, и она решилась заключить с ним брак. Об этом говорили и роскошные приготовления с огромными винными запасами, и проезд народов со всей империи, и слухи о невиданной пышности предстоящей брачной церемонии, и расчищенные от снега дороги в столице.

Посланники от стран попроще, навроде королевства Датского, герцогства Мекленбургского или, допустим, резидент Девилье из страны господ генерал-статов Нидерландских, ради такого случая надевший новые праздничные фламандские клопы, по-нашему — деревянны башмаки, они-то свое место знали: скромно в хвосте процессии пристроились.

А вот между британцем Патрикеем Ивановичем, то есть сэром Патриком Вини, и пруссаком Рейном Эрвиновичем Пуффендорфом, чье имя и отчество очень часто сокращалось на более приятный русскому уху манер и звучало как Рейнвинович, вспыхнула старая вражда. Каждый из них считал, что он важнее, чем его партнер по картам, отчего стремился занять наипервейшее место. Они стояли и, нет, конечно же, не собачились друг с другом: Патрикеем Ивановичем и Рейнвиновичем были слишком учены

для того, чтобы ругаться на глазах у публики как две базарные торговки. Но побелевшие костяшки сжатых кулаков и румянец, слишком яркий даже для такого мороза, выдавал бушевавшие страсти. Пуффендорф, видимо, сказал что-то обидное, отчего Патрикей Иванович вспылал, не сдержался, отбежал в сторону и вернулся... с пистолетом!

Рейнвинович стоял гордо, надменно сведя руки на груди. Но Патрикей Иванович не стал убивать гордого тевтонца на глазах у замершей публики, а присел на одно колено и пальнул в ось кареты прусского посла, да так ловко, что одной пулей перебил ее напрочь! Карета жалобно крякнула и большой утицей опустилась на раздвоенный хвост из двух огромных задних колес.

Пуффендорф, не ожидавший такой авантюры, только раскрыл рот, а английский посол прыгнул в свою карету и умчался вперед, оставив коллегу по макао и кадрили вместе с охающими да ахающими слугами в самом конце кортежа. Да и был ли смысл теперь участвовать в свадебных торжествах после такой конфузии?!

Чтобы уже к этой гиштории более не возвращаться, надобно рассказать, что потом, когда выяснилось, что никакой свадьбы императрицы вовсе нет, а происходит свадьба шута, отчего все послы иноземные тоже некими дураками предстали, Пуффендорф возблагодарил Патрикея Ивановича за горячность. Конечно, вначале он своему королю в красках описал, что в Петербурге всех послов, кроме него, в олухах выставили, а он, по причине своей дальновидности и осведомленности, под изобретенным благовидным предлогом не только избежал участия в низменных потехах, но и английского посланника весьма удачно в самые главные дурни назначил. А затем прислал с посылным сэру Патрику Вини шутовской колпак с бубенчиками, отчего привел чопорного жителя островов в состояние безумного гнева!

Но все это будет после, а сейчас давайте прогуляемся вдоль свадебной колонны, благо она вот-вот тронется.

Батюшки-светы! Каких повозок тут только нет! А кони-то, кони! Да нет, какие же это кони — кабаны и свиньи! Да, гляди-ка, и медведи запряжены! А здесь и вовсе — зайцы! Как только сумели переловить да запрячь длинноухих?! Прыгают в разные стороны — какой от них прок? Одно веселье среди народу! Да и люди в повозках странные... Ох ты! А меж чудичей-то — эльфичи да лешичи! А говорили, что они исчезли все! Ан нет — вон они, среди подданных нашей императрицы нашлись!

Чу! Уже трубы вострубили! Бегом места занимать! Представление-то начинается!!!

ГЛАВА X

*— Прошу пожаловать объяснить о
существое каши.*

*— Всеохотно. Каша есть вещество
полезное и многоупотребительное!*

Д. Барбариго, автор ответов к задачку
для шляхетской школы

Анна Иоанновна, кутаясь в тонкую горностаевую мантию, восседала на вынесенном из дворцовой залы малом императорском троне, вокруг нее толпились придворные, вид которых представлял незабываемое зрелище: ордена, усыпанные самоцветами, бриллиантовые серьги, перстни и колье

на дамах были надеты поверх шуб и перчаток, а потому искрились и блестяли, как сосульки морозным зимним утром.

Представление началось с торжественной официозусной части — потешной баталии, изображавшей недавний победный штурм Очаковской крепости. Изготовленные из снега стены и башни защищали османы, одеяние которых составляли лишь тонкие шаровары. По приставным лестницам отчаянно карабкались люди в зипунах, которые в конечном счете и победили, зажегши над башнями огненный девиз «Крепкий русский зуб и каменные твердыни разгрызает!» Пушки, отнятые у османов, тут же огромными молотами вколотили в мерзлую землю и на глазах изумленной публики за несколько минут воздвигли триумфальную арку с вензелем Анны Иоанновны, вдоль которой туда-сюда летала и одновременно трубила Слава, долженствующая изображать вознесение российских побед к небесам. Актер, достаточно достоверно изображавший царя Петра Алексеевича, встал посередине арки и громогласно провозгласил:

— Что я не успел, то племянница моя благополучно завершила!

Ея величество неожиданно поднялась, подошла к артисту-царю, обняла его, положив голову на грудь, затем что-то пошептала ему на ухо, поцеловала в щеку и вернулась на свое место.

Меж придворных пробежал шелест:

— Что, что она говорила?

— Мол, все выполнено, что завещано!

После этого императрица поманила пальцем Славу, та вострубила последний раз, спустилась с облаков и преклонила колени. Анна Иоанновна сняла с ее головы лавровый венок и собственноручно возложила его на очаковского победителя Миниха. Выполненные ею обещания придумать награду для головы фельдмаршала вызвали восторг собравшихся и завистливые взоры Бирона.

Затем началась свадебная часть представления. Мимо собравшихся проплывало удивительное шествие.

Впереди всех, подхватив подмышки длинные палки, бежали скороходы в легких курточках с бантами на коленях и локтях, которые прикрывали дыры, заплаты на местах, множась от падений. Да как было не упасть, ежели отдых им полагался только на то время, когда они летят по воздуху, опираясь на свою палку, уткнутую в землю.

Затем пошел строй солдат-барабанщиков, представленных в шутовском виде: на голове у них были начищенные до блеска медные котелки, а бодрую дробь, в их понимании долженствующую изображать свадебный марш, они усердно отбивали по натянутой воловьей коже... деревянными ложками! Да так ловко, что порой сдвигали барабаны за спину и начинали стучать-перестукивать нечто невообразимое! Они чокались ложками и своими, и чужими, и жонглировали ими, и перебрасывались друг с другом, не теряя при этом ритма! А один раз даже стукнули друг друга ложками по котелкам, то есть по котелку, на котором котелок..., ну, вы меня поняли...

Пиит Сергей Сергеевич Сверчиевский, приложив ко рту свернутую конусом кожаную голосовую трубу, громогласно вещал:

— Строй барабанщиков приветствует государыню императрицу и молодоженов! То не птицы-дятлы по лесам дробят — наши барабанщички ложками трещат!

Следом за барабанщиками шел ряд балалаечников с инструментами

под мышкой. По команде старшего они ловко выхватили свои балалайки и разом грянули залихватского камаринского, да так весело, что у стоящих за спиной императрицы придворных непроизвольно стали подергиваться ноги и плечи. Да и сама императрица, казалось, была готова пуститься в пляс!

Балалаечники не стали уходить, а, пройдя мимо Анны Иоанновны, красиво развернулись и в виде оркестра разместились прямо напротив императорской ложи.

Сверчиевский продолжал комментировать:

— Наши славные императорские балалаечники, мастера трех струн, натруженных ногтей и мозолистых пальцев не могут не поздравить ее величество и наших молодых! Их лозунг: свадьба без балалайки, что баня без шайки!

Далее настал черед регулярных войск: размашисто маршировали гвардейцы, только выглядели они пречудно: к лицам были привязаны бороды из мочал, а вместо ружей они держали кочережки. Эх, до чего бравы-молодцы! Как они с посвистом поют! И песня у них боевая, походная:

— Кочерга, кочерга, кочережечка!
Ах, невеста хороша, как Бабка-Ежечка!

Этот мотив дружно подхватили балалаечники, отчего песня приобрела вид задорный, энергичный, залихватский.

— Эх, молодцы-гвардионцы — сияют как червонцы! Сегодня их свадебный девиз таков: дай ружье, коль нету пушки, нет ружья — хоть кочергу! — объявлял в свою кожаную трубу Сверчиевский.

Следом шел очередной строй солдат в белых поварских колпаках с ружьями наперевес. Погодите-погодите! Обознался сослепу: не ружья это вовсе, а рогачи! Да еще с пышущими чугунами на концах! Вот это да! А запах-то, запах какой! Не иначе — каша?! И взаправду! Один чугунок сразу, пока не успел остыть, передали императрице. Она запустила в него ложку, отведала блюдо и провозгласила:

— А ведь хороша каша!

— Хороша! Хороша каша! — сразу загудел пчелиным роем вокруг нее хор придворных.

— А каша-то императорская! Ее только царица ест! — зашелестел вокруг императрицы шепот. Вмиг разобрали котелки, только ложками стучат, да нахваливают. Куда там всяким изысканным кушаньям!

— Хороша каша? — спрашивает Анна Иоанновна.

— Хороша! Хороша! Хороша! — откликается вокруг нее придворное эхо.

Даже Сверчиевский и тот скаламбурил:

И невеста что милашка,
Если есть такая кашка!..

Далее поехали на санях приглашенные гости из народов, населяющих нашу великую империю. Впереди всех летел под парусом огромный челн, сшитый из тюленьих шкур. На самом его носу возлегал туземец с желто-коричневой мордой, делавший ужасные гримасы, при виде которых ребяташки в толпе даже заплакали от детской боязни. А одна баба, невесть как затесавшаяся в толпу, поскольку шла на реку за водой с коромыслом и пустыми ведрами, от страха переполошилась, зачем-то выскочила на

середину, да так и побежала с коромыслом на плече вдоль набережной незнамо куда...

— Да это же наш Аладьин! — вдруг закричала императрица.

— Аладьин! Сенатор Аладьин! — поддержали ее придворные.

И в самом деле, на носу челна возлегал с копьём в руке Артемий Кузьмич. Правда, узнать его смогла только Анна Иоанновна, обладающая незауряднейшими способностями в физиономическом мурлочтении, потому что лицо его, дабы лучше походить на туземное, было выкрашено натуральной охрой... Да нет, не охрой! Охра такой колер не даст. Это я вам как художник говорю. Тут без луковой шелухи не обошлось — небось, полдня сенаторский лик свой в отваре полоскал, что тебе яичко на Светлую Пасху, дай Бог бы дожить до этого дня...

Пролетел под парусом сенатор — а за ним... Каких санных повозок только там не было — и медвежьи лохматыя, и оленьи рогатыя, и воловьи лобатыя, и львиные гриватыя, и верблюжьи горбатыя, и страусиные ногатыя, и собачьи хвостатыя! Кажется, зверей уж таких на свете нет, которых не запрягли! А в них — люди! И белые, и желтые, и черные, и красные, и с черными волосами, и с русыми, и с рыжими, и седые, и безволосые, и даже с птичьими перьями на головах! А самое главное — все мирно едут, никто ни с кем не ругается, не торгуется, не спорит. И то дело, чай не на Сенном рынке, а перед глазами Ея Величества! Тут не только человек — даже медведи с волками присмирели, клыки друг другу не показывают, зайцы и то врассыпную не скачут — исключительно прямо, по очерченному направлению движения! Вот до чего порядок в нашей империи нерушимый и правильный!

А в конце всей туземно-придворной процессии плелся, еле передвигая ноги в ботфортах, старичок в высоком остроносом картонном колпаке, за плечами державший огромный тяжелый мешок. Сверчиевский его и спрашивает, естественно, через громкую трубу:

Скажи пиит усталый, мрачный
Пошто покинул свой Парнас?
И что в мешке ты тащишь новобрачным?
Арбузов груды? Кучу ананас?

Ох ты! Да это же наш Аристарх Никодимыч Сумерковский, второй придворный пиит! В ответ насмешнику он зубами оторвал со своей шляпы остроносую верхушку, одним движением отбросил в сторону, отчего шапка превратилась в трубу для дальних переговоров, вроде как у своего сотоварища, поднес ее ко рту и прокричал Сверчиевскому:

Я выехал из дому на саврасках
Еще три дни тому назад.
Да подвели меня мои Пегаски —
Скакать на свадьбу не хотят!

После этих слов он перевернул свой мешок кверху дном и из него посыпались... черепахи! Высыпав их всех, он развел руками:

— Запряг, а они не едут! Пришлось на себе своих скакунов везти!

— Черепахи! Глянь-кось! Черепахи! — прошел гомон по толпе.

— В суп их! В свадебный суп! — смеясь, закричал Бирон, до смерти любивший это блюдо.

Услышав про суп, до этого едва егзовившие черепахи неожиданно ускорились, и... бросились врассыпную!...

«...Полноте, — недоверчиво скажет мне какой-нибудь зоркий цензор, — вот уж нигде не видано, чтобы черепахи бегали!» А я вам на это отвечу: во-первых, когда это было?! В старинные времена! Откуда вы знаете, что тогда какие звери что делали? Может быть, и черепахи бегали, и кроты летали! Во-вторых, я вам еще вот чего скажу — это смотря какие черепахи, я же за всех черепах не ответчик, среди них есть всякие породы — и морские, и лесные, и речные, может, какие и бегают, не знаю! И, в-третьих, самое главное! Ежели завести речь про суп, например, про кого-либо из господ ценсоров, я думаю, что они не то, что побегут — помчатся впереди дудения из охотничьего рожка! Так что, не придирайтесь — как было, так и рассказываю!

Вернемся в Питербурх к нашим черепахам. Детишки с визгом начали ловить их меж санями, за ними побежали самоеды, за самоедами глинички, за глиничками... (кхм, не буду снова перечислять все народности, а которым читателям любопытны подробности, те могут перечесть весь список страницей выше)... И вскоре вся процессия превратилась уморительную кучу малу. Даже некоторые придворные разбегались и прыгали сверху на копошащуюся гурьбу! И вскоре их ноги в чулках и туфлях, цветные полы кафтанов мелькали меж звериных шкур и кож в огромном сплетенном людском коме...

Оставьте, люди, мракобесье
И тщетны розыски в снегах!
Не стоит ваше куролесье
Печальных бедных черепах...

Безуспешно зывал к ним Сверчиевский. Наконец, откуда-то снизу из-под кучи тел выбрался малец, победно держащий в руке черепаху:

— Споймал! Споймал! В суп ее! В суп! — радостно зашумели придворные во главе с Бироном.

И тут черепаха, поняв, что деваться некуда... жалобно замыкала!

При ближайшем же рассмотрении оказалось, что негодник Сумерковский привязал к кошачьим спинам какие-то глиняные миски и таким образом пытался выдать их за черепах!.. Ах, он шутник, ах проказник! Довел глупыми выдумками людей до безобразий!..

Суматоха потихоньку улеглась, куча мала из людей в разодранных армяках и кафтанах потихоньку разбрелась по своим местам, спойманных котом распустили. А пред императорскими очами появилась вереница золоченых посольских карет во главе с британской, размером с небольшую лачужку. Пока кареты подъезжали, шутники украсили их разноцветными лентами, бумажными цветами, а потом обстреляли из маленьких пушчонок-шмыговниц потешными зарядами с мишурой и конфетти, отчего они вскоре стали похожи на огромные пирожные торты на колесах!

Услышав восторженные звуки народа, послы были вынуждены открыть окна карет и приветственно махать толпе.

Сумерковский продолжал вещать:

Прослышав про предивное веселье,
Приехали на празднество послы!
Тем заслужили европейскою артелью
Ответной и сердечной похвалы!

Императрица демонстративно три раза едва сложила ладони, чем вызвала бурю восторга в толпе. Европейские послы были вынуждены снова высунуться почти по пояс из окон карет и раскланиваться, и прижимать руки к сердцу, и всем своим видом приветствовать такую радость.

ГЛАВА XI

*Что ж ты, милочка моя, губочки нарисовала?!
На закуску лучше б ты капустки нам наквасила!*

Деревенское страдание под ливенку

Наконец, настала пора счастливой встречи новобрачных. Анна Иоанновна устроилась поудобнее, ожидая нечто невообразимое.

И в самом деле — из-за Петропавловской крепости показалось странное огромное чудовище, по величине чуть меньше фортификационного бастиона, а формой напоминающее сома: с такой же приплюснутой головой, распластанным хвостом, губастым ртом. Огромный обитатель омутов, казалось, всплыл из невских глубин, вспучив льдины, покряхтел, почесался... плавниками... Огладил ими свои округлые бока да и покатился по блестящему ледяному паркету, аки по морской глади, через всю Неву к императорскому дворцу.

Прямо из головы дивного морского чудовища бил вверх огненный фонтан, за яркими искрами которого едва был виден жених — шут Голицын. Чтобы не сосклизнуть с рыбьей спины, он держался за ее перекинутые наверх длинные усы, как за вожжи, отчего создавалось представление, будто он, словно кобылой, управляет огромной рыбиной.

Сергей Сергеевич Сверчиевский и сию картину не оставил без внимания:

Из-за моря-океана
Приплывает несказанна
Чудо-юдо Рыба-Кит,
И жених на ей сидит!

Пока чудо-рыба приближалась, скользя на полозьях по гладкому льду Невы, из верхнего чердачного окна ледяного дворца выглянула невеста в белом подвенечном платье. Ее длинная фата, подхваченная шустрим невским ветерком, сразу вылетела из оконца и теперь развевалась снежным гюйсом.

— Что-то наша невеста невесть что сотворила, — скаламбурила под общий смех Анна Иоанновна.

— Ее крепость выбросила белый флаг! — поддержал общее настроение Кушаков.

Чудо-рыба с женихом подкатывалась-подплывала все ближе и ближе, невеста что есть сил отчаянно махала суженому из заточения, вызывая в толпе крики сочувствия.

Невеста к небесам взывает
И суженого естеством алкает!
А для него видна издалека
Фата, как будто светоч маяка!

Продолжал с пафосом комментировать Сверчиевский.

И вот уже неповоротливое морское чудище швартуется у набережной. Голицын, выждав минутку, молодецки спрыгнул на берег, отбросив в сторону рыбы усы и едва удержавшись, чтобы после грузного приземления не схватиться за поясницу.

Толпа заплодировала и тут же заахала, переведя взгляд на чердак ледяного дома, где невеста уже стояла на самом краешке крыши. Вот она сделала еще один шаг ... и большой белой невесткой чайкой заскользила по воздуху! Как смелая птица, борясь с ветром, застывает в небе, так невеста, раскинув руки, вопреки всем законам природы, купалась в воздушных потоках, прилегла на них, будто на невидимый диванчик, а затем неожиданно взмыла вверх, словно на качелях к самому солнцу, едва заметному в мглистом балтийском небе! Туда — вверх, к самым тучам, чтобы затеряться, раствориться в них, самой стать белым облаком и, проплывая там, высоко, — вдруг понять, осознать что-то важное — то, чего мы не замечаем здесь, на земле, о чем просто не можем знать, даже не подозреваем, каково это плыть, разговаривая с птицами и рассветами, потому что уткнули носы в пыльные дороги и грязные лужи и не знаем, не видим этой истины, плывущей над нашей головой высоко-высоко в вечном небе...

— Я знаю, я знаю — у нее там за пояс веревочка привязана! — неожиданно захолопал в ладоши Бирон.

— Нет, — авторитетно возразил Кушаков, — разве не видно?! Совсем не за пояс! Поглядите — фата же у нее к голове привязана!

— Какие же вы все-таки медведи! — прикрыла повлажневшие глаза Анна Иоанновна. — Дремучие, дремучие люди! Не видите, что ли?! Фрейлина, государственный человек, а не кадошник какой, девица, наконец, — по воздуху летит! Разве не понятно?! Это любовь ее кружит! Смотрите пристальней! У меня аж сердце от чувств замерло, а у вас мысли только о том, как куда кого привязать...

— Ну да, любовь, — сразу согласился начальник Тайной канцелярии. — Как же я сразу не догадался!

— Конечно любовь, — также согласился Бирон. — Мне эта мысль первой в голову пришла, между прочим, но потом я подумал, что на веревочке подвесить все-таки надежней будет... А ежели каждый будет девиц за фату по небу таскать, то так однажды и голова оторваться может, — добавил он, глядя на Кушакова.

Тот пожал плечами, показывая всем своим видом, будто так и остался при своем мнении.

Фрейлина еще чуть-чуть попорхала по воздуху и вскоре мягко опустилась на землю рядом с женихом. Их тут же окружили девушки в длинных белых платьях с берестяными туесками, висящими на шее. Они завели хоровод вокруг молодых и, зачерпывая маленькими серебряными совочками лепестки ромашек, стали осыпать ими жениха с невестой. Девушки плыли и пели:

Под метельное круженье
И под белое цветенье
Мы подружку отпускаем,
Снегом тропку заметаем,
Чтобы счастье не терялось
И назад не возвращалось.
Две судьбы сплелись навеки,
Как ручьи сбегают в реки...

Кружась, они довели молодых до самого царского крыльца, а затем разбежались, разлетелись что снежинки, унесенные ветром со льда замерзшей речной стремнины. Жених с невестой остановились внизу, перед первой ступенькой, опустили взгляд перед тяжелым царским взором. Воцарилось молчание, которое нарушила Анна Иоанновна. Она грузно поднялась с золоченого кресла, неаккуратно свалив малиновую бархатную подушечку, смахнула с глаз едва заметную слезинку, промолвила:

— Я тоже летала, когда любила... Сколько лет прошло, а все помню... Дай Бог тебе, Анюта... Дай Бог тебе, Анюта... счастья...

Последнее слово она проговорила, скривив рот в гримасе от нахлынувшей чувствительности.

— Смотри только — не пожалей! — продолжала она. — Не пожалейшь?

Юшкова покачал головой.

— А ты? — она взглянула на Голицына.

— Нет! — сжав зубы, негромко проговорил Голицын.

— Ладно, тогда — праздник! — объявила императрица. — Только сегодня нечего святых своим непотребством обижать, а завтра с утра — в церковь!

ГЛАВА XII

Голицыну-дураку — на пуховую потешную шапку, Юшковой на приданое — суконный тюфяк, волчье хребтовое одеяло да карлам на гарусные чулки и шитье порток — всего 4 рубля 7 алтын...

Примечание к статье расходов на благотворительность бюджета Российской империи

После слов императрицы сразу вокруг все загомонило, заегозило, зашумело. И как вспоминал потом некий придворный борзооплет «Санкт-Петербургских ведомостей», высочайшие указания были «с превеликим и прерадостным воплем повторены, трубным гласом, звоном литавр и барабанным боем украшены».

Кстати, впоследствии воспоминания неизвестного автора многократно исследовались «Северной пчелой», «Мнемозиной» и «Сыном Отечества». Сейчас этот спор как-то поутих, а века полтора назад ученые мужи Академии Де Сиянс до хрипоты спорили — перу Сумерковского али Сверчевского описание свадебных торжеств принадлежит. А некоторые академики и вовсе приписали авторство Несмеян Несмеянычу, ибо он тоже, как оказалось, иногда свои впечатления в газетенку посылал, скрываясь под псевдонимом «Сторонний наблюдатель» или «Объективный зритель», а то и вовсе для смеху именовал себя «Чувствительной провинциальной». Как бы то ни было, других письменных воспоминаний о шутовском марш-параде не сохранилось, посему приходится верить его описателю на слово. Разве что господин сочинитель от себя для красного словца кой-чего добавил, но только самую малость, уподобляясь деревенскому танцору, который в пляске нет-нет, да какое-нибудь коленце неожиданное и выкинет, отчего у окружающих от такого кунштюка рты раскрываются...

Дальнейшее описание свадебного пира можно без ущерба пропустить, потому что тот, кто хоть раз бывал на подобного рода веселых торжествах, легко себе представит в подробностях все там происходящее. Да к тому же шутовская свадьба — это вам не коронация. Тут тебе ни фонтанов из вина, ни быков, зажаренных на вертеле, ни фейерверка огненного на полнеба. Так, все больше по мелочи... Хотя неискушенный провинциал был бы в восторге и потом долго бы рассказывал горожанам и сельчанам о том, чего там только не было, каких яств-боярств: и блюда размером с верблюда, и осетры, чей хвост не лезет в ведры, и пироги из кураги, и пирожное кочережное, и наливки из крапивки, и бочка кваса из ананаса! Разумеется, был пирожный торт весом в осьмнадцать пуд, изображавший Очаковскую крепость, над которой был водружен российский флаг.

А так — ничего примечательного... Ну, выпили за здоровье молодых, потом поиграли в салки-горелки, вылили ради шутового дела пииту Сверчиевскому кружку холодного квасу за шиворот; ну, устроили в конце на льду Невы потешный бой — стенка на стенку, выпили потом мировую с расквашенными носами и подбитыми глазами... Но, это так — считай ничего, скучотища! Даже императрица стала позевывать, и когда ей окончательно все происходящее надоело, распорядилась:

— Все, хорош! Надо и жениху с невестой время дать потешиться! А то ишь — глаз друг с дружки не сводят! Поехали, проводим младых супругов домой, в новое гнездышко...

А Артемий Кузьмич и тут веселость устроил: пригнал для свадебного кортежа... слонов с питерского Слоновьяго двора! Я уж и не помню, сколько их тогда было... Но штук пять — точно! Как тогда императрица наша Анна Иоанновна смеялась, как смеялась... Но на предложение прокатиться на слоне наотрез отказалась, пришлось придворным самим на верхотуру такую лезть. Многие, конечно, сразу вниз попадали, но от этого смеху пуще прежнего было. Потом, когда все расселись, неспешной процессией к Неве и поплелись.

Впереди, конечно, молодые, на отдельном слоне. Их животинку под мамонта разукрасили: мехами обвесили и клыки в золотой цвет покрасили. Сзади — уже все остальные. Чинно подъехали к набережной, кое-как сползли-соскочили, слонам тоже скользко, хоть и в огромные валенки ноги им обули. Пару раз животинки упали, слава Богу, никого не придавили. Зато смеху-то, смеху сколько было!

Помню, подошел я к дому новобрачных и замер. Оттого застыл, что второй такой же хрустальный дворец сквозь лед светился на дне, в глубине Невы, а третий — отражением плыл в облаках на ночном небе! Вот такие чудеса случаются в нашей жизни!

Зашли в Ледяной дом — и тут уже все удивились превелико! Ибо все в том жилище из замороженной воды было изготовлено! Про окна-двери, столы-стулья я уж не говорю. Вся утварь, все приданое изо льда было выточено! Даже канделябры и хе-хе — картишки на столе, даже часы на ледяном камине, причем тикали и точно время показывали! Да, чуть не забыл! Еще перед домом была ледяная будка с ледяной же спящею собакою, причем казалось, будто песик один глаз свой приоткрывает и зорко за гостями поглядывает, будто вот-вот хочет кого-нибудь из них за икру цапнуть! И хотя все знали, что собака сия изо льда, но сделана она была с таким величайшим искусством, что все равно от опасения будку ее стороной обходили.

— А про подарки-то, про подарки свадебные мы совсем забыли! — вдруг вспомнила Анна Иоанновна.

— Да что вы, ваше величество, — попробовал успокоить ее Бирон. — И так какой дворец молодым отгрохали! Со всем имуществом! Только живи-поживай, да царицу за щедрость благодарить не забывай!

— Так ведь все же изо льда! — пожала плечами императрица. — К весне все одно водой станет и в Неву стечет...

— Когда еще это будет! До весны еще дожить надобно! Да что там до весны, им хоть бы до утра тут не оконечить!

— А насчет подарков — не переживайте, ваше величество! — встрял крутившийся рядом сенатор Аладьин. — Уже все приготовлено.

Он с трудом поднял с резного прозрачного стула тяжелую глыбу, изготовленную в виде ледяной шубы, поблескивающей в свете факелов.

— Как шуба мохната, так и невеста богата! — провозгласил он, накинув ее на плечи невесты. Та охнула и от неожиданной тяжести присела на пол.

— Каков женишка, таковы и лаптишки! — продолжал балагурить Аладьин, подхватив валяющиеся под столом ледяные лапти, вручил их растерянному жениху.

Окружающие язвительно засмеялись. Даже императрица изобразила подобие улыбки.

— Вот еще короны для них приготовили! — Аладьин указал на стол, где лежали искусно выточенные ледяные венцы. — Прикажете водрузить на новобрачных?

— Не надо. Если захотят, пусть сами цепляют... когда погреться захотят! — со злостью в голосе проговорила Анна Иоанновна. — Давайте прощаться, а то молодежи уж невтерпеж, да и нам что-то прохладно стало.

Гости засуетились, бочком-бочком пошли на выход. Наконец, в Ледяном доме остался только ближний круг.

— Ну что, доказала я вам, что тоже веселиться умею?! — задала риторический вопрос императрица. — Я думаю, что мои-то шуточки повеселее ваших будут, а?! Вы пошутили, я посмеялась. Всем весело... Ха-ха-ха! Только я люблю все, за что бралась, до конца доводить, даже шутейные вещи!

Анна Иоанновна поворотилась к Кушакову:

— Так, Андрей Иванович! Распорядись, чтобы караул немедленно у дверей сего Ледяного дома встал и никого вовнутрь до утра не впускал и оттуда не выпускал. Также чтобы не позволяли огня разводиться!

— Так тут гореть вроде нечему, ваше величество! — попробовал влезть со своим мнением Бирон.

— А мы не из опасения огненного, мы ради шутки! У нас же веселье продолжается! Зачем молодым огонь? Им и без пламени должно быть жарко! — скривив рот, выговаривала императрица.

Она деланно изобразила поклон:

— Спасибо вам, совет вам да любовь! Не обессудьте, если чем не угодили! Счастливо оставаться! А мы уж пойдем с Богом!

Она первая выплыла из ледяных дверей, вслед за ней выскочили подзамерзшие Бирон с Аладьиным. Шедший последним Кушаков подозвал караульного офицера и приказал:

— Как заря начнет заниматься — этих двух пуцай на волю. Натопите баньку — и сразу туда обоих... Если выживут...

Вопреки обещаниям, по возвращению во дворец Анна Иоанновна решила празднество не продолжать. Распустила всех по домам, сама ушла в собственные покои. Присела за стол, подперла голову рукой, задумалась. Вспомнила сегодняшний день, анюткин полет по небу... Потом вдруг встала, огляделась, проверила нет ли кого в соседней комнате. Вышла на середину залы, сделала несколько осторожных шажков, потом подпрыгнула раз, другой, втайне надеясь взмыть к потолку, но вместо этого грузно опускалась на скрипящие паркетины. При этом так взмахивала рукавами своего парчового халата, что ветром от них разом потушила свечи в бронзовом канделябре. Пришлось вновь зажигать их огнем другого светильника, стоящего вдалеке.

Несколько раз безуспешно проделав эту процедуру, Анна Иоанновна вновь села за стол, вздохнула и пригорюнилась...

